А. Томкович. **Преодоление**

УДК 823
ББК 84
Т 65

Искренняя благодарность за информационную поддержку
Офису по правам людей с инвалидностью

Использованы фотографии Владимира Гридина, Алексея Полякова,
Александры Сергеени, а также фотографии семейных альбомов.

Томкович, А. Л.
Т 65 Преодоление/А. Л. Томкович. — 2012. — 124 с.

В книге представлены рассказы о жизни людей, которые не только преодолели трагические повороты судьбы, но и нашли свое новое место в жизни. Их пример доказывает, насколько велика сила человеческого духа, стремление превозмочь самого себя.

ББК 84
УДК 823

ИСПОВЕДЬ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Начну с банального — разделения своей жизни на «до» и «после» второй группы инвалидности.

К моменту собственного 39-летия я был вполне состоявшимся в журналистской среде человеком. Правда, известность эта часто базировалась не только на неплохих публикациях, но и на довольно веселых, неординарных поступках.

Не люблю, когда люди во всем хотят быть «белыми и пушистыми». Сегодня послушаешь некоторых vip-персон отечественной политики и трудно удержаться от мысли о том, что в «советское время» все они, как минимум, были диссидентами. Как говорил Станиславский, не верю…

К сожалению, нечто подобное мы услышим и после того, как в Беларуси закончится спорное время «стабильности».

Тогда-то и окажется, что глупость про Нобелевскую премию в области экономики была продуманной идеологической диверсией, а не стремлением «лизнуть до простаты». Дескать, сделано это было исключительное из желания над кем-то публично посмеяться.

Впрочем, сейчас совсем не об этом.

А о том, что человеку свойственна жизненная беспечность. Нам кажется, что мы всегда будем здоровыми и успешными… Святая наивность…

Несмотря на довольно веселый образ жизни, оставаться «при должности» мне удавалось почти всегда: заместитель главного редактора популярного еженедельника «Свободные новости» (самый большой тираж среди независимых изданий), главный редактор газеты «День».

Словом, возможности (связи, знакомства, влиятельность и т.д.) тогда у меня были значительно большие, чем после «выпадения из обоймы».

А произошло оное осенью 2002 года. На это время и приходится начало болезни, точное название которой врачи не могут сказать до сих пор. После многочисленных ошибок, в том числе и про «страшную смерть в течение года», никаких прогнозов они больше не делают: боятся ошибиться еще раз.

Единственная конкретика — после вскрытия точно скажем, что у Вас было…

«Крест» поставила не только официальная медицина, но и многие из тех, кого я считал друзьями. Типа «сопьется», «сдастся»… Банально, но с некоторыми из них я сегодня действительно «не пошел бы в разведку». Круг общения за последние годы изменился более, чем кардинально.

Но это сейчас…

А тогда мне казалось, что, и, став инвалидом, буду по-прежнему востребован. Дескать, хороший журналист «на дороге не валяется». Ничего подобного.

Первое время по дому передвигался исключительно с телефонной трубкой в руке. Боялся пропустить какой-нибудь важный звонок. Их не было. Как не было и неважных.

Позднее узнал, что жена тайком звонила одному из «друзей» и просила перезвонить «на домашний». Дескать, я жду. Несмотря на просьбу, «друг» «забывал» это сделать 3-4 дня.

О своей жене Ирине несколько слов хочу сказать отдельно. Несмотря на свойственные любой семье периодические «разногласия», я очень благодарен Судьбе, что в трудную минуту рядом со мной оказался именно этот человек. Она пережила даже больше, чем я.

Благодарен БОГУ и еще за три вещи.

Во-первых, ОН установил некую «блокаду» в понимании собственного положения. Первое время я

не осознавал весь трагизм произошедшего, а плакал от отчаяния всего лишь один раз.

Во-вторых, ОН «переключил тумблер» жизненных ориентиров. Если раньше я занимался «оперативной журналистикой», то теперь она «ушла на задний план». Настолько, что возвращаюсь к ней, лишь в случае большого уважения к конкретным личностям.

В-третьих, Он познакомил меня чудесным врачом-иглорефлексотерапевтом Бэй Ин Саром и его командой — благодаря им я начал возвращаться «в обойму». Огромное спасибо и замечательному неврологу Татьяне Александровне Марцинкевич.

После трех лет «боления» решил (или кто-то это сделал за меня) «выздороветь» и одним пальцем левой руки (по-другому не мог) «настучал» первую книгу. Точнее, первую часть первой книги.

Как несколько лет спустя оригинально подметил один мой знакомый врач, «БОГ дал болезнь, чтобы ты сделал эту работу».

Не люблю пафос, но что-то близкое к истине в этих словах есть.

До болезни ничего подобного не делал в принципе, хотя условия тогда, повторюсь, были гораздо более благоприятные. Например, в середине 90-х годов прошлого века я начал один проект и даже добился встречи с живым классиком белорусской литературы Василем Быковым, но дальше одних «ля-ля-ля» дело не пошло.

К слову, запись того трехчасового разговора я даже взял в одну очень хорошую поездку. Две недели «на халяву» отдыхал на Канарских островах и думал, что начну работу «по-крутому» — на берегу океана. Не вышло. Кассеты так и пролежали нетронутыми.

Концепцию первой книги в 2005 году мне подарила легенда отечественной тележурналистики Зинаида Александровна Бондаренко, с которой вместе были в одном литовском санатории. Там же записаны и

первые монологи, ибо с нами еще лечились мама Геннадия Карпенко (был вице-спикером ВС XIII Созыва, внезапно умер) Вера Михайловна Розум и мама Дмитрия Завадского («исчезнувший» оператор российского «1 канала») Ольга Григорьевна Завадская.

Через полгода текст книги был набран, но я не знал: что делать дальше? Где найти деньги на издание? Кто сверстает, сделает корректуру, нарисует обложку и т.д.? Не было абсолютно ничего.

А потом…

Возвращение было настолько стремительным, что временами мне даже становится как-то не по себе. Наверное, так нужно. Как нужно сделать и эту книгу, которая будет уже 15-й по счету. Прежде всего, для того чтобы еще раз показать: человеческий дух очень часто выше и сильнее жизненных обстоятельств.

Очень надеюсь на то, что Вы придете к такому же выводу.

С уважением,
Александр Томкович.

ПРЕОДОЛЕНИЕ №1

ЛЮДМИЛА ВОЛЧЁК

07.01.2012
12 ЧАСОВ 5 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Людмила Анатольевна Волчёк, Заслуженный мастер спорта Республики Беларусь, чемпионка параолимпийских игр. Родилась в г. п. Смиловичи Червенского района Минской области. Учится в Институте туризма Белорусского государственного университета физической культуры. Замужем.

Если бы эту диктофонную запись я не делал лично, а просто «снимал» текст, то наверняка бы, читая его, часто испытывал сомнения. Действительно, поверить в то, что все это рассказывает инвалид-колясочник, довольно трудно. К счастью, наш разговор шел, что называется, «глаза в глаза», и мне время от времени приходилось искренне удивляться внутренней силе, напористости и мужеству этой молодой и красивой женщины.

Впрочем, обо всем по порядку.

— Не сочтите бестактностью, но журналистам приходится задавать вопрос насчет даты рождения даже женщинам...

— 19 июня 1981 года. Городской поселок Смиловичи расположен всего в тридцати километрах от Минска. У меня есть еще два брата. Старший — Александр, младший (уже от отчима) — Дмитрий Яковлевич Матеевский.

Мать зовут Галина Петровна, а отца звали Анатолий Константинович (он, к сожалению, давно умер).

Мама сейчас живет в Заполье (это агрогородок рядом со Смиловичами), где ей выделило жилье руководство Червенского района. Как выпадает свободная минута — сразу мчимся туда. Банально, но частный дом есть частный дом. Это не городская квартира…

Училась в обычной средней школе номер два. Именно здесь стали заметны мои первые успехи в плане спорта, особенно это касается легкой атлетики. Так что Ирину Валентиновну Мальчукову без преувеличения могу считать своим первым тренером.

— И что Вас конкретно привлекало в легкой атлетике?

— Бег на длинные дистанции.

После школы я хотела поступить в пединститут, но не вышло. И в следующем году пошла в Академию физкультуры и спорта. Тогда это называлось именно так. Естественно, тренироваться начала у другого человека.

К слову, Сергей Николаевич Давыдик сейчас живет в моем подъезде, только на шестом этаже.

Отучилась два года. В беге на пять километров стала мастером спорта и уже была включена в команду для подготовки к Олимпийским играм в Афинах в 2004 году.

Должна была стать тренером-педагогом массовых видов спорта, но не вышло. 12 сентября 2001 года сломала позвоночник. Жила в двухэтажном общежитии «Динамо». Полезла на крышу поправлять антенну и упала.

11 сентября бомбили Нью-Йорк, а на следующий день несчастье произошло уже со мной. Даже как-то не верится, что прошло уже 10 лет. Вот уж воистину — время летит очень быстро.

Конечно, был шок, но вешать нос было некогда. Да и никому бы от этого легче не стало. Ни моим родным, ни мне. Мне было больно, а им в десять раз больней.

До травмы общение с родными не было таким насыщенным, как после нее. Особенно это касается брата Саши. Он буквально не отходил от меня. Все делал сам, даже маму не подпускал помочь…

Время шло. Спустя три года я на волонтерской основе работала с детьми-инвалидами в Колодищах: делали игрушки из папье-маше. Это московская программа Валерия Кирилловича Коломийца. Дети приезжают с родителями, с которыми занятия проводятся отдельно.

У детей разные болезни, но у них, в отличие от здоровых сверстников, которые порой дразнят других физическим недостатком, этого нет, ведь здесь, в сущности, все в одинаковом положении. Наоборот, дети искренне помогают друг другу. Особенно, если у кого-то не получается с мелкой моторикой.

Та поездка была очень важна. Я прочувствовала свою надобность, поняла, что помогать могут не только мне, но и я.

Спустя девять месяцев мне позвонила тренер Тамара Николаевна Шиманская и предложила сесть в санки, поучаствовать в лыжных гонках. В тот момент собиралась команда для эстафеты, одного человека не хватало.

Три дня я отказывалась, потому что не представляла себя в лыжных гонках. Ведь, когда была здоровой, занималась совсем другим. Смогу ли в новом качестве выглядеть достойно? К тому же не хотелось для себя новых проблем: снег, мороз, простуда. Тем более что в школе лыжи не любила… Пробежать без них мне всегда было гораздо проще…

Мама предложила поехать попробовать. Так и сделала. Неделю постигала суть и содержание вопроса. Очень понравилось. Работа, физические нагрузки — это мое.

Уже через два месяца начались полноценные тренировки. Наступил июнь, поэтому на мой возок вместо лыж установили роллеры. К соревнованиям подошла в хорошей форме, причем не только к эстафете, но и к индивидуальным гонкам. На первых же стартах мы показали, что готовы бороться за медали даже на параолимпийских играх.

Так оно и произошло. В Турине (2006 год — **прим. автора**) мы завоевали три «серебра» и «золото».

— То есть Вы «взяли» четыре медали?

— Совершенно верно. Эстафета, гонки 2,5 километра, 5 километров и 10 километров.

На «пятерке» я тоже шла первой, но на одном из поворотов упала и сломала палку. Каким-то чудом «выцарапала» серебряную медаль. Для меня она дороже золотой. После этого начались этапы Кубка мира, где завоевала еще много медалей.

Именно в это время мы и подумали, что вместо роллеров и «торкания» лыжными палками по асфальту резонно придумать что-то другое, с такими же нагрузками на мышцы плечевого пояса.

Словом, мы «сели в лодку», то есть занялись греблей.

Пользуясь случаем, отмечу Президентский спортивный клуб, который пошел навстречу, и мне купили (за обещание получить олимпийскую лицензию) индивидуальную лодку.

Уже через два месяца на первом же чемпионате мира я завоевала серебряную медаль.

— Не боитесь? Это же вода… Не дай Бог, перевернуться…

— Я же умею плавать. К тому же это не такой экстрим, как кажется. Лыжные гонки опасней. Там повороты, а

здесь — равнина. А потом была параолимпиада в Пекине (2008 год — **прим.автора**). Там я была второй.

— Насколько я знаю, у Вас есть еще одна олимпийская медаль?

— Точно. В 2010 году на зимней параолимпиаде в Ванкувере я «взяла» еще одно «золото». Опять в лыжных гонках.

— Может, на сей счет есть еще планы?..

— Не исключено, что добавится и троеборье: хэндбайк (ручной велосипед) — 170 км, потом 42 км гоночной коляски и 5 км плавания. Это наш триатлон.

В перспективе очень хочется попробовать горные лыжи.

Главное, конечно, параолимпиада в Лондоне. Лицензию туда я завоевала на Чемпионате мира в Словении.

— Когда я вошел, услышал, что вы говорите про какие-то экзамены…

— Завтра начинается сессия. До начала болезни я, повторюсь, успела отучиться два года. Естественно, после несчастья отчислили.

Через четыре года (после первых побед) начала восстанавливаться и мне предложили досдать разницу, пойти в Институт туризма, который создан совсем недавно, на факультет туризма и гостеприимства.

В прошлом году закончила. Стало грустновато, и я поступила в магистратуру, так сказать, получать вторую ступень высшего образования.

— И кем Вы станете?

— Магистратура дает возможность преподавать в нашем университете. Но я еще «побегаю».

Будет возможность поработать в сфере туризма. Хочу заняться безбарьерной средой для людей с

ограниченными возможностями. Сконцентрироваться именно на этих вопросах. Чтобы инвалиды могли больше путешествовать.

— Честно говоря, я немного удивился Вашему третьему этажу… Обычно колясочники предпочитают первый…

— В нашем доме принципиальной разницы нет: все равно выход из подъезда проходит через довольно крутые ступеньки. Борюсь, чтобы там оборудовали электроподъемник, и непременно добьюсь своего.

Конечно, когда дом сдавали и лифт не работал, мне пришлось «поскакать» по ступенькам, но первого этажа я не хотела сама: там вечные сквозняки, «проходной двор» и т.д.

— А как Вы познакомились с мужем?

— Мой Сережка приехал к брату Саше, чтобы купить машину. Дело в том, что у того есть хорошо знакомый литовец. Вместе они подобрали нужный вариант. Рассматривая фотографии, Сергей увидел мою, взял телефон. Начали часто созваниваться. Два года назад поженились.

— Банальный вопрос: что для вас было самым трудным?

— Выйти первый раз на улицу. Когда выписалась из больницы, боялась, что кто-то непременно будет в меня тыкать пальцем, спрашивать насчет прогнозов врачей.

Со временем все прошло, а в прошлом году я даже поехала отдыхать в Турцию…

— Это как?

— Все делала сама: и купалась, и плавала, и парашютный прыжок попробовала, и на рафтинге была. Это спуск на лодках по горной реке. Мы там даже перевернулись.

И вообще, я перепробовала все экстремальные виды спорта.

— Слышал, что инвалиды не любят снисходительного отношения к себе…

— Правда. Но мне в этом плане всегда везло. В той же Турции меня все воспринимали очень нормально. Собралась хорошая компания. На рыбалку даже брали.

— Вы ее любите?

— Конечно. Я не фанат рыбной ловли, но половить рыбку и даже раков в свое удовольствие очень люблю.

Не сочтите преувеличением, но таких жизнерадостных людей я в своей жизни почти не встречал. А еще никогда не ездил в авто, за рулем которого сидит инвалид. Даже мой короткий водительский стаж позволяет судить, что водит Людмила Волчёк довольно неплохо. Что, впрочем, не помешало ей искренне сознаться, что на первых порах было «стремно». И вообще, за время общения у меня сложилось впечатление, что в жизни эта красивая молодая женщина хочет попробовать практически все.

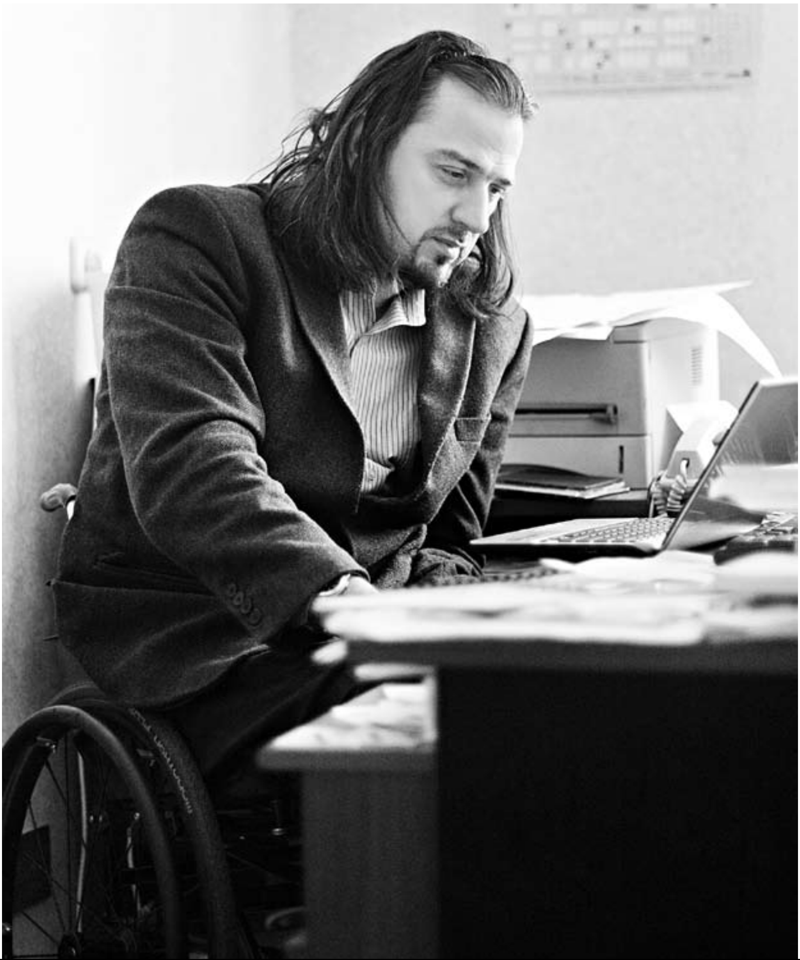
И своего добьется.

Такой характер.

P.S.

Когда работа над книгой заканчивалась, стало известно, что Людмила Волчёк родила дочь. От всей души — ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ПРЕОДОЛЕНИЕ №2

СЕРГЕЙ ДРОЗДОВСКИЙ

10.01.2012
9 ЧАСОВ 46 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Сергей Дроздовский родился 24 ноября 1973 года в Минске. В 1998 году окончил Белорусский государственный технологический институт имени С.М Кирова (сейчас БГТУ). В 1997 году участвовал в создании, а в 2001 возглавил Ассоциацию инвалидов-колясочников, в 2011 году — Офис по правам людей с инвалидностью.

В помещении Белорусского общества инвалидов есть стенд, который традиционно рассказывает о жизни людей с инвалидностью. В самом центре — фото Сергея Дроздовского с подписью о том, что он самый позитивный человек. Хотел написать «инвалид», но не смог по той причине, что у Дроздовского жизненной энергии всегда не меньше, чем у абсолютно здоровых людей.

Впрочем, судите обо всем сами…

— Когда Вы родились?

— В самый расцвет брежневского застоя, потому моя биография фактически не отличается от биографий тысяч других людей, которые появились на свет в то время.

— И все же?..

— 24 ноября 1973 года. Столичная улица Сурганова. К сожалению, отца Евгения Вячеславовича уже с нами нет. Всю жизнь он работал фрезеровщиком, имел престижный шестой разряд и славу специалиста самой высокой квалификации. Мать Галина Александровна, слава Богу, жива. Сейчас на пенсии, а раньше работала на полиграфкомбинате. Я сейчас живу рядышком.

Мои родители увлекались водным туризмом и, наверное, хотели меня сделать знаменитым спортсменом. Началось все с секции по классической борьбе, потом на год я перешел в «байдарки и каноэ», но настоящим увлечением стали восточные единоборства. Ими я занимался около семи лет. До момента, когда сломал себе позвоночник. Произошло это 7 мая 1996 года.

После школы выбрал Белорусский государственный технологический институт имени Кирова. До защиты диплома оставался всего месяц, когда мы с компанией поехали за город на пикник. Решили открыть «купальный сезон»… Видимо, на дно реки, куда я нырнул, за зиму нанесло много всего разного…

Теперь вот хочу восточные единоборства «приспособить» для инвалидов-колясочников и знаю как, но чего-то не хватает…

А мечта родителей реализовалась в моей младшей сестре Татьяне. Очень ей гордимся. Впервые в современной белорусской истории Таня стала чемпионкой мира по парусному спорту, а недавно второй раз выиграла Кубок Европы.

— С рокового ныряния началась «вторая часть» Вашей жизни?..

— Совершенно верно. Про то, что человек переживает в этот период, вспоминать подробно не буду, скажу только, что поддержка родных и друзей (их меньше не стало) позволила через два года получить-таки диплом, а участие в первых белорусских сборах по активной реабилитации инвалидов — вернуться к активной жизни.

Мне захотелось делиться своим опытом с другими, уберечь их от ненужных «шишек», помочь быстрее «встать в строй». Для этого в 1997 году мы и создали Ассоциацию инвалидов-колясочников.

Очень скоро я почувствовал, что для успешной работы мне не хватает юридических знаний, потому поступил учиться в Академию управления. В 2006 году успешно ее закончил и устроился на работу юрисконсультом в Белорусское общество инвалидов.

Возможно, именно в этой должности острее всего осознал, что, для того чтобы эффективней добиваться поставленных целей, обязательно нужно к профессиональной деятельности добавлять еще общественную работу. К сожалению, мы часто слышим о разделении этих понятий. Дескать, на работе должно быть только то, что подходит под критерии «государственности», а мыслить можно как угодно. Категорически не согласен с таким подходом, ибо это и ведет к тому двуличию, которое сегодня стало едва ли не доминирующим в белорусской общественной жизни.

Очень важной для меня стала учеба на Высших курсах по правам человека в Варшаве. Без преувеличения, она очень сильно повлияла на жизненные приоритеты. Настолько, что уже в 2009 году я совершенно ясно видел необходимость создать Офис по правам людей с инвалидностью. Тогда это не получилось. Я был вновь избран руководителем Ассоциации. Но март прошлого года в этом плане стал результативным.

— Рискну предположить, что ключевым в вашем названии является словосочетание «по правам»?..

— Совершенно верно. Долгое время люди с инвалидностью находились как бы вне поля зрения общественности. Парадокс, они и были, и не были одновременно в том смысле, что государство всячески пыталось оградить их от общества. А ведь это более полмиллиона человек. По статистике всего пять процентов населения, но если учесть число людей, имеющих к этой проблеме прямое или косвенное отношение, то получится почти 50 процентов.

Офис по правам людей с инвалидностью поставил целью изменить в нашей стране понимание инвалидности, которое сегодня сводится только к медицинским аспектам. Инвалиды воспринимаются у нас исключительно как пациенты и объекты социальной помощи. Несмотря на красивые законодательные формулировки, сохраняется мнение, что инвалидность является следствием нарушения здоровья, а значит, делом самого человека.

Мы же придерживаемся несколько иной точки зрения. Она является основой Конвенции по правам инвалидов, принятой ООН в 2006 году. Суть ее в том, что инвалидность не является проблемой здоровья человека, а проблемой в выполнении его прав, в широком понимании этого слова. Тех прав, которые изложены в соответствующей Декларации.

На наш взгляд, фокусировать внимание нужно не на том, что человек по состоянию своего здоровья чего-то делать не может, а на том, что сегодня общество неспособно принять его таким, какой он есть, с его особенностями, физическими отличиями.

В разное время развития человеческого общества отношение к людям с ограниченными возможностями было разным. Однозначно только то, что попытки игнорирования проблемы ни к чему хорошему не привели. И не приведут. По данным Всемирной организации здравоохранения, на нашей планете живет около миллиарда инвалидов.

К сожалению, Беларусь сегодня последняя европейская страна, которая не подписала Конвенции по правам инвалидов.

— Почему?

— Ответов можно дать несколько, хотя любой из них рьяно отрицается на официальном уровне. Если послушать власть предержащих, то может сложиться впечатление, будто проблемы не существует как таковой. Государство полностью берет на себя заботу об инвалидах, но именно в этой излишней опеке и появляются казусы типа «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Некоторое время назад нам пришлось долго разбираться в почти анекдотичной истории. Сделанный витебскому инвалиду пандус стоил в эквиваленте почти 35 тысяч долларов, дороже его квартиры. Оказалось, в установку строители, которые были убеждены, что никто их расходы проверять не станет, вложили все свои затраты на оборудование придомовой территории и все, что они украли при строительстве самого дома…

К слову, одними пандусами всех проблем людей с ограниченными возможностями не решить. Помню, как на очередном заседании горисполкомовского Совета по проблемам безбарьерной среды один чиновник в сердцах воскликнул: «Поналепили этих пандусов, а инвалидов как не было, так и нет!».

Действительно, если не решить всех других проблем, связанных с доступностью, то тратить средства лишь в одном направлении по меньшей мере глупо. Абсурдно ограничиваться облегчением пути к магазину, если инвалид там не в состоянии что-либо купить. Если не заниматься решением чисто экономических проблем, все остальное теряет всякий смысл. Увы, о размерах сегодняшних социальных пенсий даже говорить неприлично, ибо они ОЧЕНЬ символичные…

Зачем инвалиду выходить из дома, если у него не хватает денег купить билет в театр или оплатить проезд…

Государству выгодно, чтобы инвалид был полностью от него зависим. Тогда он не будет вспоминать про свои права.

— А как же пресловутая белорусская толерантность?

— Это миф. В сентябре прошлого года Офис провел социологическое исследование и получил очень грустные результаты. Оказывается, большинство нашего населения не будет голосовать на любых выборах за инвалида только потому, что он инвалид. И никто не станет спрашивать, что это за человек, как он образован, какой у него жизненный опыт.

Это очень наглядно характеризует истинное отношение в белорусском обществе к людям с инвалидностью. На уровне некой элементарной помощи — вопросов нет. Но доверить инвалиду власть — значительные проблемы.

— Вряд ли Ваши взгляды понравятся власть имущим…

— К сожалению, очень часто так и происходит. Для многих из них я — оппонент, а некоторые даже пытаются сделать из меня едва ли не оппозиционера. В реальности это далеко не так. Мы с огромным удовольствием приглашаем к участию в наших программах представителей официальных властей. Некоторые из них заинтересованно откликаются на наши инициативы, а некоторые, увы, спешат навесить примитивные идейные ярлыки.

Они пытаются делить инвалидов на «своих» и «чужих», то есть на тех, кто либо «молчит в тряпочку», либо доволен всем происходящим, и тех, кто думает, ищет, задает неудобные вопросы.

На мой взгляд, такой подход примитивен и в корне неправилен. Как фиговый листок, он прикрывает отсутствие у чиновника должного профессионализма. В итоге страдает все общество.

«Классический» в этом плане пример — работа лагерей активной реабилитации. Сначала мы проводили

их общими силами, а потом государство посчитало, что независимый партнер им больше не нужен и создало целиком подконтрольную ему структуру. В результате количество участников программ активной реабилитации вначале резко сократилось, а сейчас ставится вопрос, что программы не нужны вовсе… Зато чиновники перестали слышать «неудобные» вопросы…

Наш Офис создан не для того, чтобы противопоставлять себя государству. Мы искренне хотим ему помочь избежать ненужных ошибок, приучить чиновников считаться с тем, что у людей с инвалидностью тоже есть права.

— Каким Вы видите ближайшее будущее людей с инвалидностью?

— Я вижу инвалидов гражданами своей страны! Имеющими возможность выбирать и отказываться от статуса инвалида, пенсии, льгот. Без дискриминации… Без геноцида…

— А будущее Офиса?

— Очень хотелось бы, чтобы он стал в своем роде амбудсменом по правам людей с инвалидностью.

Я уже писал, что с появлением Офиса по правам людей с инвалидностью государство тоже активно начало «шевелиться» в этой сфере. Отрадно, ибо в том числе и для данной цели и создавалась эта структура. Приятная тенденция дает надежду на то, что давняя мечта Сергея Дроздовского сбудется и в Беларуси больше не будет так называемых интернатов «закрытого типа», где самых тяжелых инвалидов фактически «прячут» от глаз общественности.

К слову, психологи не дадут соврать, что жизненные ориентиры часто обуславливаются тем, о чем человек мечтает.

А здесь, как говорится, no comments…

ПРЕОДОЛЕНИЕ №3

ДАРЬЯ ЛИС

08.02.2012
11 ЧАСОВ 53 МИНУТЫ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Дарья Лис родилась 6 октября 1981 года в деревне Залесье Сморгонского района Гродненской области. В 2004 году окончила Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка. Работает корреспондентом «Радыё Рацыя» и еженедельника «Свободные новости плюс».

Честно говоря, писать за коллег по перу, по меньшей мере, неэтично. Особенно, если они сами делают это очень неплохо. Потому я и предложил Даше Лис написать короткое эссе на тему своей жизни. И не ошибся. Настолько, что теперь могу с уверенностью повторить известную мультяшную фразу — «Мы с тобой одной крови!».

Думаю, прочитав ее текст, многие начнут завидовать и по-черному, и по-белому. Любим мы, когда нашу работу делают другие…

IT`S MY LIFE

Дом, семья, друзья. Шуршать листиками в аллеях старого парка… Золотая осень. Музыка Френка Синатры, полонез Огинского, белорусский рок и русский тоже. Барды. Книжки. Кофе. Тексты. Репортажики для радио. Безбарьерный «хутор» со скоростным Интернетом.

It`s my life.

Периодически я чувствую себя вне цивилизации, потерянной в джунглях Амазонки. И работа — один из способов пробиться к «своим».

It`s my life.

Журналистика.

Журналистика в любом случае экстремальная профессия. И как меня сюда занесло? Стала бы профессором математики или хорошим бухгалтером — было бы проще. Но с цифрами не сложилось с самого начала. Проехали. У меня есть свои темы, свой стиль, и я люблю свою работу☺ Она дает почувствовать вкус жизни…

Пожалуй, это та профессия, которая позволяет путешествовать если не реально, то виртуально, знакомиться с новыми людьми, узнавать что-то новое. Ты пишешь о девушке, которая живет в Париже, и узнаешь этот город, ходишь его улочками… Пишешь о талантливом мастере народной вышивки — и изучаешь историю белорусской вышивки. Красное на белом. Спешишь посмеяться в радиофельетонах над реалиями нашего «агрогородка», иначе заплакать придется. Зачем? Лучше улыбаться☺

О чем я мечтала в детстве?

До 6 лет болезнь была практически незаметна и сильно не ограничивала мои действия (конечно, родители знали о ней и пытались меня лечить

различными способами!). Я была симпатичной пухленькой девочкой с упертым характером, могла ходить, но не могла БЫСТРО ходить и бегать. До 4 лет мы жили с бабушками…

Было много подружек, особенно летом, когда все съезжались в деревню. Нам отдавали в полное владение почти весь большой дом, особенно мы с девчонками любили играть на большой веранде. Куклы, наряды, книжки, “интеллектуальные” игры вроде лото, “Бизнеса” (и карты тоже!), ходили друг к другу в гости на дни рожденья… Я всегда была общительной девушкой.

Мечты о профессии.

Сначала хотела продавать клубничное мороженое (в Евпатории мы его ели с мамой в одном симпатичном кафе!), потом — стать учительницей пения или начальных классов, модельером-дизайнером. Любила петь, рисовать и шить одежду куклам. Наверно, я всегда хотела выздороветь, даже была уверена лет до 12: пока я повзрослею, научатся лечить. За границей — обязательно! Потом поняла, что номер не пройдет. Не научатся.

На выпускной в 11 классе я пришла уже студенткой БГПУ имени М. Танка (факультет белорусской филологии и культуры, заочное отделение). Осталось только золотую медаль получить. С поступлением вышла такая история…

Любила французский язык, писала заметки в детско-юношеские издания… Значит, иняз или журфак… ОК! Первый вариант — нет лифта и заочного по французскому, второй — лифт не работает. 1999 год. Остается филфак. В БГУ не было лифта, а в педагогическом он был…

Так и проучились пять лет: ездили с родителями на машине в Минск сдавать экзамены, на лекциях была

только однажды — экстернат! Теперь наш факультет закрывают. Беларуси не нужны белорусские филологи. Русский язык нужен, китайский, а белорусский — нет… Ирония судьбы, однако, какая.

Высшее образование я получила — уже плюс. Для журналистики ведь не обязательно закончить журфак, а я знала, что мне надо писать что-то свое. Оставалось это “свое” найти… После сдачи госов я… месяц читала детективы, а потом… Чем я только не занималась! Была репетитором. Ничего не делала. Вязала полосатые носки и яркие шарфики. Работала в районном коррекционно-развивающем центре с детками. Один раз в неделю меня забирали на микроавтобусе центра и отвозили обратно — огромный плюс, учитывая то, что мой папа тогда очень много работал. Впрочем, сейчас тоже! Было интересно, в центре работают замечательные люди, а попала я туда, написав о них статью для районной газеты.

На первых курсах университета начала сотрудничать с “Новой газетой Сморгони”. Периодически что-то им отсылала. После универа предложила им авторскую рубрику (события в стране с моими юморными комментариями, очень даже резкими), писала им и о других вещах, когда интересный материал находила… Было бы все неплохо, но газету закрыли.

Начались мои метания: то в одну газету пробовала писать, то в другую. Ничего постоянного и надежного не было. Не могла найти свои темы, свое издание и своего редактора…

Когда ты на коляске, то журналистика превращается в двойной экстрим:) Журналиста ноги кормят:) И чего вы, девушка, хотите? Шла бы в бухгалтеры… Провинциальная девочка вне столичной тусовки: тебя никто не знает и ты не знаешь НИКОГО. А потом мне предложили сотрудничество с еженедельником «Свободные новости плюс», а потом — с «Радио Рация». И за то, и за другое — спасибо коллегам и

друзьям. Мне просто дали шанс, возможность учиться, работать, вырваться из четырех стен, сделать что-то хорошее, поверить, что МОГУ.

Теперь пишу фельетоны для «Радыё Рацыя» пять раз в неделю. Редакторы не ограничивают тематику — есть возможность поэкспериментировать, и это здорово! Давно хотела попробовать себя на радио, с голосом поработать… С тех пор как поучаствовала в парочке интересных проектов с «Радыё Свабода». С тех пор как познакомилась с замечательным журналистом и человеком Александром Леонидовичем Улитенком, который похвалил мой «радийный» голос. Ну что ж, работаю голосом☺ Две с половиной — максимум четыре эфирные минуты дважды в день. Эти минуты — мой шанс успеть сказать что-то важное и надежда, что УСЛЫШАТ! На радио хороший коллектив, который понимает и принимает.

Плюсы есть и в регионах.

В Залесье красивая золотая осень. Но! Периодически неспокойный характер и желание раздвинуть горизонты (!) заносят меня далеко от родных мест — в Гданьск или Париж. Не так часто, как хочется: есть все-таки «фишка», которая не дает мне разогнаться! Поехать поработать в «горячих» точках планеты. Пойти на оппозиционный митинг. Сделать «живое» интервью с человеком на другом конце планеты или банально в Минске. SMA. Проблемы с двигательными нейронами спинного мозга. И это пока не научились лечить даже продвинутые американцы.

И я передвигаюсь в пространстве с помощью электроколяски. Моя красненькая «Meyra» для меня верный друг в путешествиях, правда, не все дороги ей нравятся. Вот Вильно, к примеру, нет… «Историческая» столица подкачала в плане безбарьерности на уровне столицы «здесь и сейчас».

Я не могу танцевать. Блин, так вышло. Но вкус хорошего кофе, вина и общения с интересными людьми не меняется от твоего способа передвижения в этом интереснейшем из…. И других вещей — тоже. Кто-то не понимает? Жаль. Но это УЖЕ не моя проблема☺

Было бы интересно побывать на другом континенте. Очень хочу рвануть в Нью-Йорк, хорошо бы пожить в Канаде или Австралии, но… У меня оооочень плохой английский. И это на самом деле плохо. 10 раз начинала учить и бросала 10 раз. Теперь попытка №11.

Жизнь интересная штука.

Так много замечательных мест на планете, где стоит побывать! Я живу в Залесье на Сморгонщине. Здесь находится имение известного композитора Михала Клеофаса Огинского. И есть версия, что именно здесь написан знаменитый полонез «Прощание с Родиной». При Огинском из-за творческой атмосферы Залесье называли «Северными Афинами»… А есть же Афины настоящие! И Греция. И теплые моря. Очень люблю море. Мечта — пожить месяца два в приморском городе. Вкус соли на губах. Шум прибоя. Много солнца.

Мне 30. Стараюсь не тормозить на цифрах. Что-то успела, но еще много белых пятен, которые нужно раскрашивать яркими красками. Надо успеть. Написать пару книжек. И пару сотен статей. И, может, замуж сходить? Все-таки любовь и свобода одинаково важные вещи. Важно найти баланс☺

Собираю колокольчики. Говорят, они своим радостным звоном счастье приносят… А я просто люблю! Колокольчики из Вильни, Гданьска, Кенигсберга. Люблю живой огонь. Прозу Хемингуэя и Короткевича. Своих близких, которые никогда не сдаются и поддерживают меня во всех важных проектах. И почти во всех авантюрах☺ Люблю свой дом и свой КЛАН — от Залесья до Нью-Йорка и Камчатки.

It`s my life.

Самое первое свое «путешествие» Дарья Лис совершила в восьмилетнем возрасте. Вместе с двоюродным братом Максимом убежала в соседнюю деревню купаться. Конечно родители об этом не знали и, естественно, было — «Макаренко отдыхает». Особенно от мамы. Максиму досталось не меньше. Кроме всего прочего, он довольно долго простоял перед иконой в углу дедового дома.

А самое последнее (на сегодняшний день) было путешествие в Париж. Оно же — самое дальнее и самое необычное. Такой нетривиальный подарок на день рождения презентовал один из друзей. Совершила путешествие Дарья сама, то есть без помощи родителей.

Что же касается самых любимых путешествий, то все они непременно связаны с морем — Калининград, Гданьск, Крым.

Написал, и самому захотелось попутешествовать тоже. Заразительная это, оказывается, штука! Хочу в Залесье — поговорить с Дарьей Лис.

ПРЕОДОЛЕНИЕ №4

ИРИНА ЖИХАРЬ

08.02.2012
11 ЧАСОВ 53 МИНУТЫ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Ирина Жихарь родилась 11 августа 1966 года в Минске. В 1988 году закончила педагогическое отделение химического факультета БГУ и по распределению была направлена в «чернобыльскую зону». До 1995 года работала в различных школах. С 2005 года является Председателем совета ОО «Белорусская организация трудящихся женщин».

Если бы во время нашего разговора на мне была шляпа, без раздумий снял бы ее. Из уважения к этой миловидной женщине. И есть за что. В 1994 году медики обнаружили у нее « рак околоушной слюнной железы с метастазами на шее». Тогда, с Божьей помощью, Ирина Жихарь болезнь победила.

Как должна победить и сейчас, ибо в 2008 году у нее вновь диагностировали рак. На этот раз — молочной железы…

— Наверное, с первой болезни мы и начнем?

— Без проблем. После двух лет работы в школе деревни Звеняцкое, которая находится на границе Хойницкого и Брагинского районов Гомельской области, в 1990 году я вернулась в родной Минск.

Работала здесь довольно успешно и через три года мне предложили поступать в аспирантуру. Тогда при Институте усовершенствования учителей она только-только открылась, а позже стала Академией последипломного образования.

Поступила и … заболела. Опухоль возле уха у меня начала появляться еще во время сдачи экзаменов, но я от нее отмахивалась. Дескать, нет времени, маленькая, пройдет сама. Не прошло. Более того, со временем возникли болевые ощущения.

В мае 1994 года учительница математики, (из декретного отпуска приходила вести несколько уроков), увидев мою «кулю», сильно испугалась. Когда-то она сама прошла через нечто подобное и была очень счастлива тому, что опухоль оказалась доброкачественной. Женщина была такой напуганной, что я поняла: нужно идти к врачу.

За месяц трижды брали биопсию. Дважды она не показывала наличие раковых клеток, а на третий раз ответ был положительным. Меня срочно госпитализировали.

В Боровляны мы всегда ездили с мамой, но, наверное, Богу было угодно, чтобы ее в тот момент не было рядом. Как и я, она не думала о самом плохом, потому высшие силы просто уберегли ее от шока.

Когда сказали про намерение «положить в больницу» и о «предраковом состоянии», я расстроилась и расплакалась. Но вовсе не от того, что грозит серьезная хворь (была уверена, что все обойдется), а от осознания несвоевременности происходящего.

Я классный руководитель лучшего в школе класса, ученики которого будут сдавать в том числе и мою

химию. Кроме того, как заместитель директора по воспитательной работе, лично отвечаю за проведение выпускного вечера. Словом, две недели вне работы — не ко времени.

Разрыдалась и дергалась так сильно, что мне сразу не могли сделать томографию головы. К слезам и истерикам в Боровлянах относятся с пониманием, и никто даже подумать не мог, что я плачу совсем по другому поводу. Рядом с томографией рентгенкабинет, куда меня тоже направили. Врач посоветовала сделать рентген легких самой и дала в руки карточку. В очереди заглянула в нее и потеряла сознание — рак. Такого молниеносного шока в моей жизни никогда не было.

Потеря сознания, нашатырь, врачи… Всего 27 лет от роду… Это был как бы рубеж, мгновенное осознание того, что обратной дороги нет.

Рентген пройти не смогла.

Никого не хотелось видеть. Некоторое время гуляла в расположенном рядом лесу. Вернулась и поняла, что меня врачи уже начали искать. Та, что отправляла на рентген, так и сказала: «А я думала: Вы пошли топиться…»

Искренне благодарна Богу, что смогла сразу же узнать диагноз. И пусть шансы «один на миллион» — надо бороться. Во многом здесь дело в психологии самого человека. Есть те, кто умирает от «нулевой» стадии, а есть преодолевшие «четвертую»… Чем закончится ситуация, на 100% нельзя сказать никогда…

Стала много читать на эту тему, нашла свои диеты, программы, разговаривала с людьми, которые прожили с этим много лет. В итоге — победила. Ушли даже метастазы.

— Через 14 лет пришло другое испытание…

— И не одно. В 2008 году я узнала, что заболела раком молочной железы, а через два года от неоперабельного рака желудка не стало моей мамы.

Любовь Михайловна была чудесным человеком. У нее не было высшего образования, работала простым кассиром в магазине, где отец был директором. Там, кстати, они и познакомились. Поженились и прожили в браке почти десять лет.

К сожалению, он не был счастливым. Отец Вячеслав Александрович часто выпивал и распускал руки, но распался брак совсем не поэтому. Не так давно мама рассказала истинную причину — измена.

Меня это очень сильно впечатлило, ведь в тот момент семья строила кооператив. При разводе суд присудил выплатить отцу его долю. Чтобы сделать это, маме пришлось продать почти все, что было дома. Она работала на двух работах. Помню, до того как я уехала по распределению в чернобыльскую зону, в нашем доме всегда были квартиранты, ибо в финансовом плане жилось очень тяжело — долги.

И еще. Когда я уже работала в школе завучем по воспитательной работе и родители трудных детей жаловались на то, что их невозможно приучить к чтению, всегда вспоминала свою маму. 45 квадратных метров, кроме нас живет четверо квартирантов, две работы, но, когда выпадала у мамы свободная минута, я всегда видела ее с книгой в руках! Для нее чтение было как воздух, без него не могла жить. До последнего дня она читала, выписывала газеты, интересовалась общественной жизнью.

Бог забрал маму 5-го апреля 2010 года. На Пасху.

После развода с моим отцом мама собиралась еще раз выйти замуж. Так вышло, что избранник был водителем «Икаруса» и насмерть разбился в автокатастрофе. И мама решила, что женское счастье — не ее.

Наверное, она полностью переориентировалась на меня и с того момента у нас были очень душевные отношения. Когда мама заболела, приходило много ее друзей, знакомых, и все искренне удивлялись нашим необычайно теплым отношениям.

— Нетрудно догадаться, что распределение в чернобыльскую зону стало катализатором первой онкологии?..

— Это очевидно.

А болезнь привела меня в «третий сектор».

После выписки из Боровлян мне (по нашим с мамой настойчивым просьбам) дали третью группу инвалидности, чтобы можно было работать. Через год даже не поехала ее подтверждать.

От всей души благодарна своему доктору хирургу Владимиру Никитовичу Кривуленко, который все время маме говорил: «Она не должна сидеть дома, должна жить среди людей».

Вернулась обратно в школу. Конечно, я ушла со всех должностей, ограничилась только ведением нескольких кружков, типа «Что? Где? Когда?». К слову, мы начинали вместе с Борисом Бурдой.

Несмотря на то, что я ни на что не претендовала, у меня начали портиться отношения с нашей директрисой.

Дело в том, что шел уже 1993 год, апогей белорусской перестройки. Начали появляться свободные профсоюзы, в том числе свободный профсоюз учителей, а за год до этого возникли первые стачкомы. Естественно, власти попытались взять их под свой контроль и предложили возглавить наш стачком директрисе. На дыбы» стал весь коллектив. Ей выразили недоверие, а избрали меня.

Добиться чего-либо тогда не удалось, но «засечка» у директрисы осталась. Она вела себя очень корректно и уважительно, ходила вместе с моей мамой к врачу, но, когда я наперекор ей пошла в свободные профсоюзы, она меня банально уволила. Воспользовалась болезнью и посоветовала последние дни жизни не тратить на лишние волнения (якобы такое сказал врач).

Эту «доброжелательность» мне трудно забыть до сих пор...

Кстати, о своем увольнении узнала только тогда, когда Владимир Мацкевич предложил мне попрактиковаться

в пресс-центр Объединенной гражданской партии (было лето, пора учительских отпусков — **прим. автора**) и я пришла в отдел кадров увольняться …

Тогда у меня еще была инвалидность…

— Помню, потом была газета «Рабочы»?

— Совершенно верно.

А рядом с нашей редакцией находился офис общественного объединения «Белорусская организация трудящихся женщин». Поскольку по жизни я весьма активный человек, сначала стала членом этой организации, а потом заместителем руководителя.

После закрытия газеты начала более тесно заниматься общественной деятельностью и увидела здесь огромный потенциал. Сегодня это едва ли не единственная сфера, где можно самореализоваться, а поскольку для меня насилие в любом виде (в семье, государстве, на работе) абсолютно неприемлемо, то путь в «третий сектор» был единственно возможным. Общественная деятельность дает возможность чувствовать себя свободным человеком.

В 2005 году меня избрали председателем совета ОО «Белорусская организация трудящихся женщин».

Не буду подробно останавливаться на основных направлениях деятельности этой организации. Акцентирую внимание лишь на двух проектах — «Развитие местных сообществ» и «Вместе против рака молочной железы», который выделился в отдельное движение «Ни дня напрасно».

Ирина Жихарь лично написала распространенное потом в СМИ и Интернете «Живое письмо», где рассказом своей истории дала надежду на нормальное будущее сотням других женщин.

К слову, работа по психолого-социальной адаптации онкологических больных и их близких родственников стала главной в ее жизни, как и та, что касается за-

щиты права на свободу совести. Именно Ирина Жихарь была одним из инициаторов создания инициативы «За свободное вероисповедование».

Впрочем, я бы не стал разделять эти два понятия, ибо бороться с любым видом онкологического заболевания можно только с Божьей помощью. БОГ всегда помогает тем, кто в НЕГО искренне верит.

Таким, как Ирина Жихарь.

ПРЕОДОЛЕНИЕ №5

АНТОН СВЕКЛА

14.02.2012
16 ЧАСОВ 08 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Антон Свекла родился 25 сентября 1966 года в Гродно. Окончил математический факультет Гродненского государственного университета и Институт национальной безопасности РБ. Женат. Имеет троих детей.

То, что часто на наши вопросы отвечают письменно, обычная журналистская практика. Антон Свекла писал даже не одним пальцем, а карандашом в зубах. Да, да, именно так! Это я повторил для тех, кто не поверил моим словам. Я, кстати, если бы не знал о его проблемах, сделал бы тоже самое.

Уважаю бережное отношение к чужим текстам. Особенно к этому, ведь он написан не только разумом, но и сердцем.

— Родился в пригороде города Гродно, точнее в деревне Девятовка, известной по кинофильму «Белые росы», в семье крестьян, работающих на государственных предприятиях. Детей было двое — я и брат. Он младше на 2,5 года. Мама работала дезинфектором в районной санэпидемстанции, а отец водителем-пожарником на нефтебазе, расположенной рядом с деревней.

Кроме основной работы много времени мои родители уделяли своему приусадебному участку и огороду — полгектара земли. Благодаря ей, мы были неплохо обеспечены продуктами питания, поскольку в разное время (кроме обязательных кур, гусей и свиней) держали корову и овец. Кроме этого, продажа так называемых «излишков» была существенным подспорьем к небольшой зарплате родителей (приблизительно 120—130 рублей), а зачастую и значительно превышала ее.

Было у отца и еще одно хобби. Не имея никакого музыкального образования, он очень прилично (по нотам) играл на аккордеоне. Когда еще был молод, ездил играть на свадьбы, у нас их называют «халтами» (в других местах —- халтуры). А потом и мы с братом подросли, стали требовать большего внимания. Сказался, видимо, и возраст. Отец стал играть только на концертах художественной самодеятельности или на праздниках у друзей и родни.

Его тяга к музыке передалась моему младшему брату. В свое время тот профессионально играл на аккордеоне и клавишных.

Я это вспоминаю потому, что принципиально считаю: «коктейль» из сочетания жизни деревенского мальчишки (с обязательной помощью родителям по хозяйству и содержанию дома), учебы в городской СШ №2,занятий народными танцами, спортом, дзюдо, карате, плюс хорошая музыка — сыграл существенную воспитательную роль и помог в становлении моего характера. Кстати, в

нашей школе училось много детей из пригородов, не отличавшихся в те времена спокойной криминогенной обстановкой.

1983 год. После школы я поступил на математический факультет Гродненского университета. С 1984 по 1986 годы служил в армии в чине младшего сержанта войск связи. Уволившись в запас, продолжил учебу.

В 1989 году пошел служить инспектором на Гродненскую таможню. Перед этим перевелся на заочное отделение и полтора года проработал в СПТУ №199 города Скиделя. До сих пор сохранил дружеские отношения с бывшими коллегами.

На таможне служил на различных участках. И людей досматривал, и грузы. Больше года проработал в отделе технических средств таможенного контроля, сейчас их называют «черными». И есть за что. Я, к примеру, работал на пассажирских поездах. Работа действительно напоминает шахтерскую: лазишь, как мартышка, по поезду в поисках «того не знаю чего».

— Насколько мне известно, Вы не ограничились одним вузом?

— Совершенно верно. В 90-е годы катастрофически не хватало юристов. Поэтому я использовал эту возможность и поступил в Институт национальной безопасности РБ, на стационар. После окончания в 1994 году (первый выпуск специалистов таможенного права) до выхода на пенсию в феврале 1999 года работал чиновником в администрации таможни.

При этом почти год (с апреля 1998 года) — будучи инвалидом первой группы. Передвигался при помощи трости, стенки или сопровождения.

Специально акцентирую внимание именно на этом обстоятельстве. Дело в том, что на уровне райсобесов и МРЭК часто приходится слышать о невозможности работы инвалидов 1—2 групп. Мой пример кардинальным образом опровергает подобные утверждения.

Судите сами. Я работал в правоохранительном органе, являлся должностным лицом, ходил в форме, носил погоны инспектора 1 ранга (аналог капитана), и мое руководство ничего не имело против создания «особых условий труда в кабинете». К слову, на пенсию ушел исключительно по своей инициативе. Предлагали еще потрудиться.

Со времени увольнения по март 2005 года работал в разных фирмах и СП юристом. Одновременно в нескольких, на полставки.

— Если Вы не против, перейдем к болезни?..

— Не против, конечно.

Официально болею с 1992 года. Первый диагноз — рассеянный склероз. В 2003 году (после магнитно-резонансной томографии) его сняли. Сейчас, после ряда консилиумов профессуры и академика Антонова, вынесли такой вердикт — «последствия перенесенной нейровирусной инфекции». Другими словами, точный диагноз пока не установлен.

Заболевание прогрессировало постепенно. Вначале я лишь слегка хромал. Постепенно хромота усиливалась. В итоге начал передвигаться только с чужой помощью или вдоль стенки.

В 2000 году пережил сепсис, который стал «спусковым крючком» болезни, я сел на коляску. Через год отказали руки. Наступила параплегия конечностей. Какого-либо лечения врачи не предлагают. Только симптомальное (спастику снизить) или поддерживающее — регулярный массаж. Нуждаюсь в постоянной посторонней помощи. Слава богу, жива мама, которой уже будет 81 год, и ее брат — мой дядя (вместе с женой они и ухаживают за мной).

Сейчас живу в частном доме в пригороде Гродно (вернее, уже в городе). Женат, имею троих детей… Старшей дочери (от первого брака) — 22 года. Она уже замужем, живет отдельно. Младшей 6 лет, сыну 4 года.

Дом со всеми удобствами, полностью безбарьерный. Имеем небольшой огород и сад. Конечно вся домашняя нагрузка, хозяйство, авто лежат на плечах супруги.

— Знаю, что Вы занимаетесь не только защитой собственных прав?

— Наверное, вся моя деятельность по защите прав инвалидов (и не только) основана на том, что я когда-то стал профессиональным юристом. Еще работая в таможне и курируя таможенное оформление гуманитарных грузов, столкнулся с проблемой так называемого «человеческого фактора». Бывали случаи, когда получение разрешения или решения по «гуманитарке» зависело не от юридических фактов и обстоятельств, а от конкретного чиновника, его образованности и мировосприятия, субъективного взгляда на проблему. Поэтому мне часто приходилось консультировать гуманитарные и общественные организации в том, как лучше оформить документы и мотивировать поставку груза, чтобы не попасть под бюрократические процедуры и ненужные препоны.

Уйдя на пенсию и «сев на коляску», я (прежде всего для себя) стал скрупулезно изучать наше законодательство об инвалидах и лицах с ограниченными возможностями, порядок его применения на практике.

К последнему относится, прежде всего, мое ближайшее окружение в доме, подъезде, районе, городе. Как у профессионального юриста, у меня возникло много вопросов. Не стесняясь, начал задавать их чиновникам различного уровня и настойчиво требовать ответа.

Знаковым для меня событием стали сборы по активной реабилитации инвалидов-колясочников в Борисове в 2005 году. Именно там понял, что я не один такой «любопытный», познакомился с Ассоциацией инвалидов-колясочников, единомышленниками.

— Вряд ли Ваши постоянные «поиски правды» могут понравиться власть предержащим…

— Возможно, моя позиция по положению инвалидов в РБ кому-то действительно покажется весьма радикальной. Я считаю, что государство, в лице чиновников, декларируя свою «социальную направленность», для решения проблем инвалидов делает крайне мало. Решение любых вопросов проходит медленно, со множеством ненужных бюрократических проволочек.

Даже читая существующие законы, несложно увидеть, что права инвалидов за последние 16 лет были значительно сужены. Они как бы «ущемились». Прикрываясь актами «об адресной социальной помощи», власти делают все, чтобы реально никто ее не получил, ибо для этого они создают множество ненужных препятствий.

Органы социальной защиты в Беларуси работают на уровне советских времен, а может, еще и хуже. Любопытно, что при этом количество чиновников за последние годы растет, а население сокращается. Очень часто работники социальной защиты сами знают плохо или вообще не знают нормативные акты в этой сфере.

Полностью отсутствует система информирования о правах инвалидов, получения социальной помощи, средств реабилитации, организации жизнедеятельности, обучения и профориентации. Нет социальной рекламы. Даже в областных центрах люди получают необходимую информацию о жизни инвалидов и их структур от знакомых, а не от социальных работников.

Кроме того, обеспечение санитарными и реабилитационными средствами инвалидов в РБ находится на уровне 60-х годов прошлого века.

На мой взгляд, государство значительную часть бюджетных средств должно перенаправить с пустых забав на решение конкретных проблем медицинского, санитарного и реабилитационного характера. Стараюсь за это бороться и добиваться успеха на всех уровнях.

Ставшие уже непривычными сильные февральские морозы помешали нашей визуальной встрече с Антоном Витольдовичем Свеклой, когда я приехал в Гродно на инфодни Офиса по правам людей с инвалидностью. Потому мне несколько неловко за то, что «заставил» этого человека писать таким «экстравагантным» образом. Зато теперь реально не завидую чиновникам, которые получают его письма. Этот человек не только умеет писать, но и знает ЧТО писать…

ИНГА ТАТУР

22.02.2012
4 ЧАСА 32 МИНУТЫ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Инга Татур родилась 13 августа 1969 года в Бобруйске. В 2004 году окончила Теологический институт Христиан веры евангельской (ХВЕ). Инвалид 1 группы. Известный блоггер.

Когда я начинал работу над этой книгой, хорошо понимал: будут неординарные тексты, но даже предположить не мог, что **СТОЛЬКО**. *Если прошлый написан самым необычным способом (зубами), то этот можно считать самым «ранним» в журналистской практике. Именно в 04.32 мой компьютер зафиксировал получение письма от Инги Татур.*

Умышленно не стал «разбавлять» этот ночной монолог вопросами. Прежде всего потому, что не люблю делать «масло масляным»…

— Родилась и живу с родителями в своем любимом Бобруйске (может, потому и любимом, что больше нигде не была). У меня замечательный брат Сергей, отец троих детей, служит в церкви, работает. Сейчас, когда родители уже достаточно слабые, Сергей во многом взял на себя заботы и о нас троих. Жена его музыкант, сейчас в очередном декретном отпуске. Еще есть сестра Наташа, у нее две дочери, муж, работа; недавно удивила всех нас, поступив в БГУ.

Поскольку своих детей у меня нет, очень близка с племянниками, особенно со старшими — Настей (14 лет, дочь сестры) и Альбиной (13 лет, дочь брата). Все дети дружат между собой и радуются встречам, которые обычно происходят у нас дома.

Родители у меня уже давно на пенсии. Мама Валентина Татур в молодости работала почтальоном, училась в вечерней школе, собиралась поступать в техникум. Но из-за моей болезни ей пришлось оставить и учебу, и работу, и планы. Папа Георгий Татур всю жизнь проработал водителем, менял только организации и автомобили.

По семейному преданию моя болезнь началась в полгода с температуры за 40 градусов, которую врачи быстро сбили. Все успокоились. Единственное, что тревожило бабушку и маму, — некоторая вялость в движениях, появившаяся до этого у подвижного и живого ребенка.

Свой первый шаг я сделала 13 августа 1970 года. Ходить начала вполне прилично, только падала больше, чем надо. Обратились к врачу. После долгих консультаций был поставлен диагноз — миопатия (мышечная дистрофия). Вкратце об этой болезни можно сказать так: в клетках мышечной ткани происходит распад белка, что приводит к мышечной слабости, а впоследствии к их полному отмиранию. Итог — медленное, но неуклонное обездвиживание. На данный момент я без посторонней помощи могу очень мало.

Чтобы лечь спать, перевернуться, подняться утром, одеться и т.п., мне нужна помощь.

В пять лет я впервые осознала суть этой болезни. Мы гостили у маминой тети в Донецке, и меня повели к очередному известному детскому невропатологу. Не знаю, что врач сказал родителям, помню, что я услышала: «Это никак не лечится, все будет только хуже, она постепенно перестанет ходить, а потом умрет». Не думаю, что доктор говорил именно это. Скорее всего, какие-то его слова плюс разговоры в кабинетах врачей и дома по поводу болезни сложились в моем сознании в одну конструкцию. Она во многом и определяла отношение к жизни в детстве и юности.

Кроме поисков спасения от болезни (медицина официальная и народная, бабки-шептухи, целители всех мастей), детство помнится многими хорошими моментами. В первую очередь, это общение с бабушкой и дедушкой, родными и двоюродными сестрами, братьями, дружба с тетушкой Галей (мамина сестра старше меня на 13 лет, и для меня она больше старшая подруга, чем тетя). Я еще трудно, но ходила, уставала, падала, но ходила даже по двору. По улицам папа носил меня на руках, а мама возила в обыкновенной детской коляске, маленькая сестренка в это время шла рядом. Время от времени кто-нибудь из прохожих делал маме замечание, что она усадила в коляску этакую большуху, когда рядом топает кроха.

Это были 70-е годы XX века, о реабилитации детей инвалидов, о помощи родителям в их воспитании, о детских инвалидных колясках и т.п. мы ничего не слышали. Родители решали проблему сами, как могли, чувствовали, понимали.

Когда настало время идти в школу, я получила медицинское направление на обучение в интернат для детей инвалидов. Но мама сделала все возможное, чтобы я получила возможность обучения на дому. После некоторого сопротивления чиновников ей это

удалось. Не знаю, насколько это было правильно: возможно, общение с такими же, как и я сама, детьми помогло бы мне не так безнадежно воспринимать свою инвалидность. Но это мысли меня сегодняшней, тогда я была рада остаться дома.

Училась неплохо, учеба давалась легко, но смысла в ней я не видела. После двенадцати лет болезнь дала явный прогресс. По дому я передвигалась, прилагая огромные усилия. Ходила до последнего и из последних сил, но в четырнадцать лет пришлось «сесть в коляску» окончательно.

Тогда я впервые задумалась над тем, для чего живу. В подобных размышлениях провела не одну ночь и пришла к выводу о бессмысленности своего существования, из чего логически заключила необходимость самоубийства, которое после некоторых размышлений решила отложить до худших времен (например, когда сама не смогу одеваться) …

Были еще недочитанные книги, недосмотренные фильмы, хотелось узнать, как там дальше будет у сестры и брата. Жизнь не прекратилась, она сосредоточилась вокруг моего дивана и стола, придвинутого к нему. Здесь я делала уроки, встречала школьных учителей или учительницу английского, «художника», рисовала, общалась с подружкой.

Поскольку иностранные языки в школьной программе для домашнего обучения в то время были не предусмотрены, мама пригласила ко мне преподавательницу английского и восемь лет оплачивала ее уроки.

«Художник», так мы называли преподавателя из нынешнего художественного колледжа, отказывался брать плату за свои визиты. Приходил редко, а потом и вовсе перестал, — не встретил моего живого интереса к предмету. Он же не знал, как я впадала в ступор (моментально глупея) от страха его разочаровать. Было стыдно за себя — толстую и неповоротливую.

По окончании школы категорически отказалась даже думать о поступлении в ВУЗ, объяснив родителям, как это сложно будет осуществить физически. Но на самом деле мне просто было страшно и стыдно за себя не такую, как все.

Это был период, когда я пряталась от людей. Если к сестре приходили друзья, я строго требовала закрыть дверь моей комнаты, чтобы они меня не увидели. Комфортно было лишь с семьей, некоторыми близкими соседями. Или наедине с книгой.

Я все больше уходила в свой мир. Там не было места попыткам самореализоваться, реальным друзьям, прогулкам по улице — всему тому, что обычно бывает в жизни человека. Реальностью для меня были книжные герои, телеведущие, актеры, музыканты и мечты. Это не потому, что я не интересовалась жизнью за стенами квартиры. Просто была уверена, что она не для меня.

Отсутствие всякой надежды в жизни объяснялось еще и воинственно атеистическими взглядами. Любая религиозная литература вызывала у меня внутренний протест и отторжение. Но милость Божья в том и является, что Он не смотрит на мировоззрения и убеждения человека, а видит сердце. В сердце же у меня была не просто просьба, а вопль: «Отдайте мне мое! Я не хуже других, я такая же и имею право на жизнь, любовь, радость!».

И Господь начал готовить мое сердце и разум к принятию Его Слова. За меня начала молиться соседка, о чем я узнала много лет спустя. Мне стала попадаться в газетах, журналах, по ТВ информация о научных доказательствах существования души, о силе молитвы, о Боге. Но окончательно я поверила в Бога после одного случая. Это произошло в августе 1995 года. Родители переживали кризис отношений, и у нас дома было «военное положение». Я отчаянно переживала, старалась примирить родителей друг с другом, уговаривала, плакала. Тщетно.

Однажды ранним утром, после ночных «громов и молний» пережила очень сильное чувство одиночества. Это было как падение в пропасть с мыслью о том, что «...никому не могу помочь, даже себе…».

Вдруг комната наполнилась мягким светом, атмосфера в ней кардинально изменилась — от боли одиночества до абсолютного мира и спокойствия. Я увидела тонкую нить голубого цвета. За нее и нужно держаться, чтобы не упасть в пропасть. Услышала голос (любящий, спокойный, уверенный): «Не бойся. Ты и себе поможешь и своей семье. Держись за Меня, Будь со Мной, молись». После этого все пропало, а я с удивительным и незнакомым тогда миром в душе размышляла о том, что теперь нужно делать. Я не могу ходить, не бываю в церкви, молиться не умею.

После этого некоторое время читала без разбору всю духовную литературу (Бхагавад-гита, Библия, «диагностика кармы» и др.), но остановилась на Евангелиях.

В это время в моей жизни и начали происходить перемены. Однажды добровольное затворничество прервал телефонный звонок. Звонил парень-колясочник, кто-то из знакомых дал ему наш номер. Он пригласил меня на служение в молодую для города церковь христиан веры евангельской «Слово Надежды». Но главное, он был первым, кто сумел донести до меня, что люди с инвалидностью при желании могут жить активной, насыщенной жизнью. Помог узнать разные технические подробности (например, как правильно спускать коляску по лестнице). За три года до этого папа приобрел коляску у знакомых, но я ей практически не пользовалась.

На пешую прогулку из дома до церкви я решалась несколько месяцев (все же почти пятнадцать лет не выбиралась из дому). И решилась, благодаря новым друзьям, с которыми за это время успела подружиться (общались по телефону). Это были молодые люди с

разными физическими ограничениями, уверенные, что инвалидность не должна отгораживать человека от полноценной жизни. Для меня все это было сложно перевариваемым манящим откровением.

Улица запомнилась серым небом, яркими обертками от конфет на мокром асфальте, адекватными прохожими, которым до меня не было никакого дела и… обзором. Возможность смотреть дальше стены напротив приносила огромное удовольствие.

В церковном собрании было уютно, многолюдно и неожиданно спокойно. Страх оказаться отвергнутой исчез фактически на пороге: меня встретили как свою.

В 2000 году, уже будучи членом поместной церкви ХВЕ в Бобруйске «Слово Надежды», я узнала, что на ее базе проводится набор в Теологический институт христиан веры Евангельской. Узнав, что там будут преподавать, кроме всего прочего, историю церкви и библейскую герменевтику (методология толкования текстов), я решила учиться. Очень благодарна ребятам, которые учились вместе. Без их помощи я бы не продержалась там и года. Всегда кто-то был рядом, чтобы помочь, отвезти, пересадить в коляску и т.п. Учеба, кроме знаний, дала еще неоценимый опыт общения с людьми, подняла мою самооценку и уверенность в себе.

В последнее время очень важное место в моей жизни занял Интернет. Здесь и независимая относительно государственных СМИ информация, и возможность найти любую нужную книгу. Читать книги с монитора сложно, но приходится привыкать: бумажные дорогие.

Благодаря Интернету, я наконец увидела работы любимых художников и т.п.

И главное — общение. Многих людей я никогда бы не встретила в реальности, не будь сначала виртуальной встречи и знакомства.

Еще несколько лет назад слово «Интернет» для моего папы было синонимом слов «обман», «пустота». Он

изменил свое мнение, когда белорусские блоггеры (например, Наталка Василевич) из ЖЖ, узнав о моей мечте иметь электроколяску, собрали деньги, купили и привезли ее к нам домой. Эта коляска дала мне определенную свободу. Раньше я была привязана к сопровождающему, теперь сама выбираю направление, скорость движения и протяженность прогулок. Так и Интернет стал для меня определенной территорией свободы, где я имею гораздо больше возможностей для самовыражения, учебы, работы, творчества, знакомства и близкого общения с интересными людьми. Надеюсь со временем найти деньги на хостинг, чтобы сделать свой сайт.

Увлечения — блоггерство и все с этим связанное, веду блог на TUT.by и в ЖЖ.

Живопись — один из любимых художников Марк Шагал, из современных белорусских художников очень нравятся работы А. Гришкевича, С. Римошевского, А. Силивончик.

Литература — У. Фолкнер, В. Быков (на белорусском, как и всех белорусских авторов и, если удается найти, то и зарубежных), Э. Хемингуэй, Ф. Достоевский. Постоянно перечитываю стихи В. Короткевича, Л. Гениюш, М. Цветаевой, А. Тарковского, М. Богдановича.

Бывает, открываю для себя нового автора. Например, несколько лет назад я взахлеб читала и всем советовала книги Рубена Давида Гонсалеса Гальего. Он вырос (выжил) в советских домах инвалидов и пишет о них со знанием дела. Тонко глубоко и даже с юмором.

Кино — не фанатка кино, люблю душевное, не чернушное, желательно с хорошим концом.

Музыка — не люблю русскую и белорусскую эстраду, поп-музыку. Шансон не люблю, особенно блатной. Поскольку в песнях важен смысл, то большей частью слушаю русско-белорусско-украинских исполнителей (Океан Эльзи, J-Морс, Крамбамбуля, М. Башаков и др., по настроению).

Такой вот получился монолог. В нем бесспорно много интересного, но, на мой взгляд, это не все, потому рекомендую еще и страницу в «Живом журнале» http://michalinka.livejournal.com и блог http://inha_t.blog.tut.by/

Именно там ответ на вопрос, почему Инги Татур и появилась среди героев этой книги. Тонкий художественный вкус. Уважаю людей, которые умеют не только СМОТРЕТЬ на мир, но и ВИДЕТЬ его, а еще — искренне радоваться успехам других…

ПРЕОДОЛЕНИЕ №7

АНАСТАСИЯ ВАЙТЕХОВИЧ

11.02.2012
13 ЧАСОВ 24 МИНУТЫ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Анастасия Вайтехович родилась 3 августа 1986 года в Минске. В 2010 году окончила факультет философии и социальных наук БГУ. Преподает в специальной общеобразовательной школе для детей с тяжелыми нарушениями речи. Болеет легкой формой детского церебрального паралича.

С Анастасией я познакомился во время вручению наград Офиса по правам людей с инвалидностью. Чествовали победителей конкурса эссе и научных работ, которые были посвящены «Конвенции о правах инвалидов». Анастасия Ивановна Вайтехович стала самой главной победительницей.

Почему? Надеюсь, одним из ответов на этот вопрос и станет наш разговор.

— Мою маму зовут Наталья Николаевна. Она работала учительницей географии в школе, но была вынуждена посвятить уходу за мной довольно продолжительный период своей жизни, потому преподавательскую работу пришлось на время отложить. Потом, когда у меня сложилось все хорошо, высокий уровень знаний позволил ей перейти на работу в Министерство образования.

У старшей сестры Марины уже двое детей. Одной девочке пять лет, другой скоро будет одиннадцать. Сестра работает фотографом.

Беременность у мамы проходила нормально, все было хорошо, но во время родов меня неправильно достали. В итоге — ДЦП плюс нарушение речи. Последнее, к слову, не мешает преподавать. Каждое утро делаю специальные голосовые упражнения: дети не должны знать о моих проблемах.

До года никаких подозрений насчет болезни не было. Только потом родные стали замечать, что я все делаю левой рукой. Плюс — очень плохая (ее фактическое отсутствие) ходьба. Обратились в седьмую больницу. Там и поставили диагноз. Врачи высказали сомнения насчет дальнейшего нормального развития и адекватности. Маме даже предложили от меня отказаться. Но она приняла другое решение. Понимаю, как ей было тяжело…

В палате (кроме меня) все были «отказники». За ними почти не смотрели и не мыли. Естественно, дети плакали, кричали, не давали мне спать. Чтобы их успокоить, маме сначала приходилось всех покормить, помыть, а потом уже заняться мной.

В детский садик я не ходила, а в школу пошла с восьми лет, в обычную общеобразовательную, которая потом стала 56-й гимназией. Проблем с учебой никогда не было.

— Были отличницей?

— Нет. С математикой я не очень «дружила», но зато имею дипломы олимпиад по предмету «Человек, Общество. Государство» (сокращенно «Ч.О.Г» — **прим. автора**).

Честно говоря, хотела стать историком, но там перед самым поступлением «Ч.О.Г.» заменили «Всемирной историей». Времени оставалось немного, рисковать не стала. Выбрала социологию.

Принято считать, что социологи занимаются только опросами. На самом деле социология — наука о взаимоотношениях в обществе, потому к традиционным опросам нужно еще добавить и глубинные интервью, и фокус-группы, и отдельные биографические истории.

На примере одного человека социология может показывать историю целой эпохи. Словом, в 2005 году я стала студенткой факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета. С первого курса начала заниматься проблемами инвалидов, хотя в душе предпочтение отдавалось этносоциологии.

— Боюсь ошибиться, но предполагаю, что социология инвалидных проблем у нас не является приоритетной?..

— В Беларуси — да, а в России с этим гораздо лучше. У нас исследования проводятся лишь в том случае, когда поступают заказы от различных международных организаций, типа ЮНИСЕФ.

Единственное, что я могу назвать в этом плане, — книга сотрудницы Академии наук РБ Р.Смирновой «Мир инвалида глазами социолога». Вышла она в 2006 году и полностью базируется на социологических исследованиях проблем инвалидов-колясочников. Очень советую почитать.

Других фундаментальных трудов по проблемам инвалидности у нас, к сожалению, нет. Если в России, например, активно занимаются проблемами стигматизации инвалидов, то в Беларуси вы не найдете ничего подобного.

Напомню, что стигмой называется набор негативных стереотипов по отношению к определенной группе людей. Стигма являются предпосылкой для дискриминации, потому везде в мире этой проблеме уделяется очень много внимания.

Кстати, к одной из стигматизированных групп относятся и очень уважаемые мной цыгане.

— Откуда этот ориентир?

— С детства.

В будущем я не планирую оставить проблемы инвалидности и буду ими заниматься очень скрупулезно, но мечтаю стать специалистом в области, так скажем, цыгановедения.

На мой взгляд, наряду с инвалидами, в Беларуси они являются самым стигматизированным, незащищенным слоем населения.

… В свое время я очень долго лежала загипсованной в больнице — было очень тяжело. Встретила там девочку-цыганку Надю с легкой степенью ДЦП. Она всегда удивляла меня своей жизнерадостностью и кардинально отличалась от нашего уныния и безысходности. Когда я в больнице заболела гриппом, она ухаживала за мной, сидела рядом, рассказывала разные истории. Думаю, это и стало причиной внутренней тяги к цыганам и того, что я по ночам стала писать о них стихи.

Всех это очень удивляло, ибо в нашем роду цыган нет вообще. Наверное, все объясняется тем, что тогда у меня была ограниченность в движениях, а цыгане всегда ассоциируются с отсутствием каких-либо границ, стремлением к странствиям.

Мне всегда хотелось путешествовать, хотелось какой-то жизненной активности. Если человек чего-то не может, он всегда именно к этому и тянется…

К слову, это началось тогда, когда я еще не умела писать сама и просила записать стихи сестру Марину.

В школе я нередко болела и пропускала уроки. Часто доводится слышать о себе подобных, что над ними издеваются одноклассники, притесняют, дразнят и даже бьют. Мне повезло. Всего этого я избежала. В нашей школе учились очень УМНЫЕ дети, и их мало волновало физическое состояние тех, кто рядом. Главное — интеллект.

Когда я подолгу лежала в гипсах, ребята составляли «график дежурства», приходили ко мне домой, объясняли новые формулы и правила. Это при том, что я училась не по обычной, а по российской программе развивающего обучения. То есть у нас программа была сложнее традиционной — экспериментальный класс.

Кроме меня, в классе инвалидов не было вообще. Тогда еще и не слышали о каких-то интегрированных классах. Критерий отбора заключался только в личной одаренности. Никто никаких скидок на мою болезнь не делал.

Как и во время учебы в университете. Там тоже очень повезло с преподавателями. Прежде всего, Ларисой Владимировной Филинской, которая потом стала научным руководителем моей дипломной работы. Кстати, именно она и предложила принять участие в конкурсе, который был организован Офисом по правам людей с инвалидностью.

Под ее «опекой» прошла практически вся моя учеба в университете. Вначале это были небольшие исследования, как, например, «Интегрированное обучение детей с нарушениями зрения». Проводили мы его вместе с одногруппниками единомышленниками. Для исследований были взяты две специализированные школы. Одна в Минске, другая в Молодечно. Ответ на вопрос насчет желания учиться среди здоровых людей был довольно неожиданным. Половина опрошенных относилась к такой инициативе довольно негативно. Причиной называлось возможное плохое отношение сверстников.

На третьем курсе я изучала профориентацию детей с ограниченными возможностями здоровья, а на четвертом провела десять «глубинных интервью» с родителями детей с различными функциональными нарушениями.

— В 2010 году Вы окончили БГУ. А дальше?

— Дальше я хочу заниматься наукой, но это пока не получилось…

После окончания университета устроилась в школу, где учатся дети с нарушениями речи. Случайно узнала, что им нужны воспитатели в группу продленного дня. Удивительно, но взяли меня туда без проблем. По натуре я мягкий человек, а воспитатель в первую очередь должен добиваться дисциплинированности учеников, то есть проявлять определенную твердость.

Конечно, на первых порах приходилось довольно сложно, но вскоре все вошло в норму. Когда преподаватель истории ушла в декретный отпуск, мне предложили занять ее место.

И еще одна задумка. Недавно ездила к своей московской подруге, которая является довольно известным тамошним фотомастером. Вместе придумали проект создания движения женщин с инвалидностью. Планируем открыть сайт, где, кроме обычных статей, рецептов, рекомендаций, будем рассказывать о стиле и моде для женщин-инвалидов, чтобы они не чувствовали себя ущербными.

Кроме этого, мы хотим сделать целый блок о сексуальности, потому что очень часто приходится сталкиваться с тем, что общество в этом плане относится к проблеме, как к второстепенной.

Рискую быть обвиненным в том, что прерываю повествование на самом интересном месте, потому продолжу интимную тему многочисленными предложениями симпатичной Анастасии Вайтехович «руки и сердца».

Всякий раз (пока) она отказывала, чем всегда вызывала у окружающих, мягко говоря, непонимание. Дескать, нельзя быть такой разборчивой. Особенно инвалиду.

У нее же позиция на сей счет другая: «не стоит цепляться за каждые штаны только потому, что потом замуж никто не возьмет, ибо нет ничего страшнее «одиночества вдвоем».

ПРЕОДОЛЕНИЕ №8

СВЕТЛАНА БЭНКС

13.03.2012
17 ЧАСОВ 39 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Светлана Бэнкс (девичья фамилия Морщацкая) родилась 11 июля 1977 года в Тольятти. В 2002 году закончила международные курсы по журналистике, в 2010 году — Московский государственный университет печати, а сейчас учится в Кингстонскком университете.
В 2009 году вышла в свет ее книга «Сила любви, или нисхождение в рай».

Светлана Бэнкс с детства болеет миопатией. Согласно всезнающей Википедии это заболевание, «связанное с нарушением обмена веществ в мышечной ткани, результатом которого становится снижение тонуса мышц, а в некоторых случаях — их полная атрофия».

Как известно, эффективных методов лечения этого недуга сегодня не существует. Кроме одного — Веры, Надежды, Любви!

— В Беларусь мы переехали девять лет назад по нескольким причинам. Во-первых, отсюда родом моя мама — деревня Воловники Дятловского района Гродненской области. Во-вторых, очень давно сюда поехала учиться моя сестра Лена. У нее два образования — экономист и психолог. Работает в экономическом университете, преподает психологию. Здесь она вышла замуж, родила ребенка.

Папа Николай Иванович всю жизнь проработал простым рабочим, а мама Вера Александровна — в торговле. Она была вынуждена уйти с работы, когда мне едва исполнился год. Болезнь прогрессировала довольно стремительно, и как-то не верилось, что до трех лет я даже красиво танцевала.

О своей маме хочу сказать отдельно, ибо она для меня самый дорогой человек в мире. Она никогда меня не ругала. Я помню, как неуверенно шагала по комнате, потом добралась до полки с посудой и стала бить бокалы о пол. Сколько удовольствия! А мама смотрит и говорит: «Бей, Светочка, бей». Без жалости и тоски в голосе, а словно тоже от удовольствия.

Именно мама дарила мне чувство безопасности и полноценности. Она просто и естественно заменяла мне руки и ноги, так что я не ощущала себя бременем. Поэтому, когда ее впервые положили в больницу на две недели, я ощутила ужас своего одиночества и беспомощности. Я не была одна, рядом были сестра и папа, но… только мама меня всегда купала, расчесывала, одевала.

Я рано поняла, что болею. Бывало, сижу у мамы на руках, в комнате играет музыка, и все хорошо, замечательно, пока я вдруг не замечаю ее вздрагиваний. Потом поднимаю глаза и вижу: она плачет. И на вопросы не отвечает. Значит, это я? Со мной что-то не так?

Нескончаемые уколы, кровь из пальца, постукивания молоточком по коленке и локтю, больницы, в которых

на меня смотрят сострадательно-обреченно. Меня не видят. Там видят только диагноз. Кажется, что все детство состоит из таких процедур и еще поездок…

Свою болезнь и слабость я воспринимала совершенно естественно и только иногда завидовала, что у меня коленки не бывают разбитыми, как у других. Бегать я не могла, только ходить. Трудно было проходить дверные проемы: там я не могла держаться за стенку и от этого чувствовала неуверенность.

Когда я первый раз услышала слово «инвалид» и поняла, что оно относится ко мне, испытала шок. Не знаю почему. Может, потому, что в то время для меня значение слова «инвалид» ассоциировалось с войной, старостью и увечьями. Я возненавидела это слово и всякий раз болезненно сжималась, когда его слышала.

Я не ходила в садик, однако нередко наш дом сам превращался в детсад. Приходили соседские дети. Мы играли вместе, дружили. Я любила многое: рисовать, шить одежду для пупсиков, играть с мячом, но больше всего мне нравились бумажные куклы.

С подругой «перевоплощались», создавая свой мир, свою жизнь, в которой мы были взрослыми. Я никогда не любила играть в принцесс, я играла… в кормящую мать. Этот образ с раннего детства очаровывал меня. Конечно, у моей «героини» был любимый и при этом она хлопотала по дому, заботилась о ребеночке, делая это со всем желанием, как моя мама…

— А как с учебой?

— Обучалась на дому. После первого знакомства со мной учительница сказала, что в первом классе мне делать нечего, но все же я не решилась идти сразу во второй. Читать начала очень рано, в четыре года писала свое первое письмо крестной: «Дорогая мама Рая! Я живу хорошо, пою песни».

Хоть я и не сбивала с ног учителей на переменах, не перекидывалась записками с одноклассниками, да и как

выглядит школа, знаю только по фильмам и разовым (почти экскурсионным) посещениям, за время моего обучения тоже встречались веселые курьезы.

Многие учителя, приходя к нам после шумных классов и погружаясь в тихую домашнюю обстановку, начинали бороться с наваливающимся сном. Вот так однажды шел урок литературы. Облокотившись на стол и прикрыв глаза, мой преподаватель диктовал мне: «До настоящего времени не известно точное место гибели Чапаева, но предполагают, что он утонул». Тут она провалилась в сон и после паузы продолжила, не открывая глаз: «Он взял с собой пару ползунков и пеленки». Через пару секунд она открыла глаза и спросила, на чем мы остановились. Пришлось повторить последнюю фразу. Мы очень смеялись, а потом она объяснила, что после урока собиралась в магазин, чтобы купить для внука пеленки и ползунки.

Мне очень нравилось, когда кто-нибудь из моих подруг и одноклассниц, прибегая после школы, рассказывал, что новенькая учительница сегодня вызывала к доске Морщацкую, и тогда ей объясняли, что Морщацкая обучается на дому.

— И кем Вы в детстве мечтали быть?

— Ветеринаром, потому что у нас дома в разное время всегда были животные: собака, кошка, попугай, канарейка, хомяки, ежики, кролики и даже черепаха.

— Почти целый зоопарк…

— К окончанию школы увлечение изменилось, и я начала стремиться к тому, чем занимаюсь и сейчас, то есть к письменному творчеству. Меня увлекало все, что связано с литературой. Вначале были трехмесячные международные курсы по журналистике. Они очень многое дали в плане практических навыков и позволили найти хорошую работу. После них я поступила в Московский государственный университет печати.

— Насколько мне известно, Вы стали там первой дистанционной студенткой?

— И первой такого рода выпускницей. Специально из Москвы на госэкзамены ко мне приезжал научный руководитель. Вместе со мной он выходил на видеосвязь с госкомиссией.

— И в чем суть Вашей работы сегодня?

— Работаю в Интернете, обрабатываю тексты для разного рода сетевых изданий.

— Насколько это востребовано?

— Очень. Все, что связано с работой в Интернете, дело новое и весьма перспективное.

К слову, именно благодаря Интернету, я и решила продолжить свое образование. Случайно увидела рекламную шильду, щелкнула. Оказалось, Кингстонский университет проводит рекламную акцию по набору студентов. Вообще, учеба там стоит очень дорого, а акция предоставляла существенные скидки, почти бесплатно.

Подала документы и поступила.

— Наверное, для таких шагов надо хорошо знать английский язык?

— Увы, мои знания английского языка на тот момент заставляли желать лучшего. Пришлось существенно «подтянуть». Конечно, я его учила и в школе, и в университете, но всего этого оказалось, мягко говоря, недостаточно. Особенно это почувствовала, когда стала общаться со своим будущим мужем, с которым мы познакомились, кстати, тоже благодаря Интернету.

— В 2009 году в Великом Новгороде вышла Ваша книга «Сила любви, или нисхождение в рай». К сожалению (или к радости автора) сегодня ее уже невозможно достать. Можно лишь прочесть тут: http://erlobus.com/index.php?content=boock&page=anons.

Что подвигло к написанию?

— Необычная статья в газете «Аргументы и факты», в которой рассказывалось об одной супружеской паре. На фотографии — семья. Женщина в коляске. По ее положению нетрудно догадаться о диагнозе. Рядом муж и мама.

Мне очень захотелось познакомиться с этими людьми. Однако редакция газеты, в которой была напечатана статья, на просьбу сообщить их координаты не ответила. Я знала лишь город, где жила эта пара, их имена и девичью фамилию жены.

Отношения этих людей буквально поразили. Тогда-то и возникла мысль собирать подобные истории. Воистину, Любовь творит чудеса!

В книге 6 историй (рассказы о счастливых семейных парах, один из супругов которых с инвалидностью) плюс небольшой рассказ о моей жизни, чтобы была понятней актуальность темы и правомерность выбора.

Некоторые герои приезжали ко мне сюда, в Чисть, с некоторыми общалась только по Интернету.

Приятно было увидеть в гостях Евгения Байна и Наталию Исакову, с которых все и началось.

Кстати, разыскать эту пару сразу не удалось. Прошло несколько месяцев, и на одном из сайтов в Интернете я приняла участие в форуме, тема которого касалась любви. На мое высказывание обратил внимание один из его участников и предложил переписку. Я ответила на его предложение (этот человек показался мне очень интересным) и попросила его рассказать немного о себе, чтобы иметь представление, с кем я общаюсь. В следующем письме он представился.

И каково же было мое удивление: это был тот самый человек, муж супружеской четы, с которой я так хотела познакомиться! Кто знает, что такое Интернет с его множеством сайтов и форумов, поймет мои удивление и восторг…

Если бы у меня спросили, что в жизни главное, я бы ответила не задумываясь — ЛЮБОВЬ.

Повторимся, что со своим будущим мужем Шайло Бэнксом Светлана тоже познакомилась с помощью Интернета. Зарегистрировалась (чтобы улучшить свой английский) на международном сайте знакомств. Сделала все предельно честно и благородно. Разместила свою фотографию в полный рост и приписала: «Хотела бы встретить верующего мужчину, которого бы не испугала моя коляска».

Вечером ей перезвонили с московского представительства сайта и уточнили все данные, а уже начиная со следующего дня Светлана начала получать минимум по 20 писем в сутки. Вначале она пыталась отвечать всем, но потом поняла, что это невозможно физически, и попросила снять свои «координаты».

Среди самых интересных были «мэйлы» от Шайло Бэнкса. На сайт знакомств он вышел совершенно случайно, когда подбирал новые шины для своего авто. Завязалась переписка, дружба. Через год техасец Шайло Бэнкс впервые приехал в Чисть и превратил виртуальное знакомство в реальное. …Через полгода они поженились. Шайло теперь дистанционно преподает английский в одном из питерских вузов, а Светлана продолжает писать новости для интернет-сайтов.

Наверное, в этом месте следовало бы сделать хеппи-энд, однако я воспользуюсь случаем и допишу еще один абзац:

«Сила любви, или нисхождение в рай» была издана весьма скромным тиражом. Очень хотелось, чтобы те, кто взялся помогать инвалидам, исправили бы эту ошибку, ведь книга имеет не только художественную ценность, но и обладает, как говорят врачи, «устойчивым терапевтическим эффектом»…

ПРЕОДОЛЕНИЕ №9

ЕЛЕНА СЛЕПОВИЧ

15.03.2012
21 ЧАС 25 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Елена Самойловна Слепович родилась 13 октября 1951 года. Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Академии образования РБ. Имеет свыше 150 опубликованных научных работ. Лауреат конкурса на установление персональных надбавок за выдающийся вклад в социально-экономическое развитие республики.

Ее квартира (в районе Тракторного завода) чем-то напоминает небольшой музей: вокруг сотни разного рода статуэток, картин и прочих «красивых мелочей», которые были либо подарены детьми (бывшими учениками), либо привезены из многочисленных путешествий. У всех есть общая особенность: они «включают мозги», то есть заставляют думать.

— Вы минчанка?

— Да. Мне 60 лет. Никогда не делала тайн из своего возраста и очень его люблю.

Когда мне было пять лет, семья переселилась в эту квартиру. Училась я в 22-й школе. Пошла в нее рано, в шесть лет. Это была папина инициатива.

Отца звали Самуил Шаевич. Он работал заместителем начальника литейного цеха Тракторного завода. У папы было два высших образования — Московский геолого-разведочный институт и институт военной химии в Самаре, которая тогда была Куйбышевым. У мамы Фриды Иосифовны тоже солидное высшее образование. Она закончила Ленинградский медицинский институт, химико-фармацевтический факультет. С1946 года работала на Тракторном заводе в лаборатории органической химии. Словом, родители у меня были очень интеллигентные и образованные люди.

Мама (родом из Могилева) приехала в Минск в 1946 году, когда Тракторный завод еще строился, а папа (родом из Немирова Винницкой области) — в 1949 году.

Через два года родилась я, а младший брат Виктор появился на свет в 1953. Работает филологом.

После окончания школы я поступила в Минский педагогичный институт на дефектологический факультет.

— Довольно необычный выбор…

— И очень интересный.

Когда мне было чуть больше двух лет, переболела полиомиелитом. Произошел правосторонний паралич тела. Как и многие дети-инвалиды, обладала неплохим интеллектом, ибо родители очень много со мной занимались, особенно папа. Я вообще была «папиной дочкой» и жила в плену собственных фантазий. Например, представляла, что закончила юридический факультет, нахожусь в тылу врага или «работаю» микробиологом.

Все не могла определиться с выбором…

К счастью (повезло), мама познакомила меня с женщиной, которая работала врачом в школе-интернате для слабослышащих детей. Та взяла меня к себе на работу, все показала и рассказала про существование дефектологических факультетов, которых в Советском Союзе было всего шесть.

В 1968 году поступила в Минский педагогический институт имени Максима Горького, который сейчас стал Государственным педагогическим университетом имени Максима Танка. Там узнала, что такое быть по некоторым учебным предметам несостоятельным из-за двигательных нарушений. Без командной поддержки это плохо переносимо.

В школе ничего подобного не было. Учиться мне было очень-очень хорошо. Замечательные учителя, замечательные одноклассники. Нельзя подниматься на четвертый этаж. Дети пошли к директору и попросили, чтобы наш класс перевели на первый этаж в третью смену. Только для того, чтобы я никуда не ушла. Совсем иной атмосфера была в институте. Закончила его с отличием, однако местную аспирантуру мне даже не предлагали…

Поехала в Молодечно, где три года отработала первым в районе дошкольным логопедом. В РАЙОНО был свой кабинет, но это больше условность. Реально я брала под мышку зеркало и с ним ходила по детским домам.

— ???

— Без зеркала заниматься речевыми упражнениями невозможно. Человек должен видеть свое лицо.

Все время хотелось учиться. Наверное, учеба была «фишкой» нашей семьи. Мне очень хотелось ее продолжить. Преподаватель по логопедии Клара Гавриловна Ермилова посоветовала поступать в Москву, в единственный в мире Научно-исследовательский институт дефектологии. Она даже на бумажке нарисовала, как его там найти.

Поступила. Еще три года учебы. Но обучение в «союзной» аспирантуре было полностью целевым, то есть все республики бывшего СССР «заказывали» себе специалистов и оплачивали их подготовку. Я же представляла только себя. Это означало, что при отличной сдаче вступительных экзаменов, мне надо было, чтобы кто-то их обязательно «завалил» и освободил таким образом для меня место.

Когда рассказываю про свою жизнь, некоторые не верят такому стечению обстоятельств. Уж больно она похожа на нескончаемый бразильский сериал или какую-нибудь «Санта-Барбару».

Так и с поступлением. Стипендию мне платили из фонда директора института академика Татьяны Александровны Власовой: глянулась я ей.

Защитила кандидатскую диссертацию («Активная речь дошкольников, отстающих в развитии») через два года и один месяц.

Благодаря Власовой, вернулась в Минск. Меня взяли в НИИ педагогики на ставку младшего научного сотрудника. Проработала там восемь лет, потом перешла работать на дефектологический факультет в пединститут. Тогдашний ректор Леонид Никанорович Тихонов предложил мне перейти на факультет психологии, который у них тогда только-только создавался. Перешла. Вскоре (во многом благодаря Тихонову) стала членом-корреспондентом Академии образования Беларуси. А через два года (снова в Москве) защитила докторскую диссертацию, по совокупности опубликованных работ. Таких случаев в сфере специальной психологии только два.

Спустя год меня пригласили в БГУ, где набирала обороты работа кафедры психологии. Тихонов очень долго не отпускал и сожалел о моем уходе. Позже, когда в педе начали готовить психологов, я стала принимать в этом активное участие, работала по совместительству.

Сейчас одновременно читаю курс специальной психологии (который сама же создала в Беларуси) и в

БГУ, и педуниверситете. Начался процесс «выращивания» учеников.

Теперь одна из самых сильных в СНГ научных школ в области специальной психологии создана в нашей республике. Я подготовила семь кандидатов наук, четверо из них заведуют кафедрами.

— А как эти научные разработки согласуется с повседневной жизнью?

— Во-первых, все теории, которые я разрабатывала, создаются только для практики. Цель не выстроить научный конструкт, а создать средство для оказания помощи.

Когда я еще была кандидатом наук, активно принимала участие в открытии школ для детей с задержкой развития. Честно говоря, в те годы я меньше ночевала дома, чем в разных деревнях и городах республики. Мне звонили даже насчет разных ковровых дорожек и стульев.

Во-вторых, у меня, как у психолога, практика носит «штучный» характер. Оказывала конкретную помощь, готовила тех, кто сможет мое дело продолжить. Например, первых для нашей страны кандидатов наук в области тифлопсихологии (психологии слепых) и детской нейропсихологии.

Сейчас вместе с учениками мы написали первый в Беларуси учебник по специальной психологии, толстенный такой, почти тысяча страниц.

Кроме того, я единственный профессор нашей кафедры, который периодически со своими студентами посещает детские сады, школы, и не просто в экскурсионном плане (посмотрите налево-направо). Там я на конкретных примерах обучаю студентов психологической диагностике и объясняю логику своих выводов.

Иногда (очень редко) консультирую по конкретным просьбам.

— Как специалиста по психологии, что Вас больше всего сегодня беспокоит?

— Люди. Экономика, несмотря на проблемы, — вещь второстепенная. Были бы хорошие люди — экономику можно создать быстро, при необходимости за 20—30 лет, и послевоенные Германия или Япония здесь весьма наглядные примеры.

Экономика — симптом болезни, ее источник — людская психология. Инвалиды — тоже симптом. Поскольку это категория очень специфическая, они для общества, если так можно выразиться, невыгодны. Что с них возьмешь? Вкладывать надо много, а взять почти нечего.

В отношении к группе людей, которые требуют особого внимания, наиболее ярко проявляются проблемы общества. Во всем мире уровень демократических преобразований определяется отношением к инвалидам.

В начале восьмидесятых годов прошлого века был такой всемирный марш «Женщины в борьбе за мир». Он начался где-то в Америке, а заканчивался на Красной площади. Отдельной «веточкой» там были «Женщины-инвалиды в борьбе за мир». Когда они прибыли в Минск, меня посетила одна очень богатая американка. Она попала в аварию, сломала позвоночник, стала «колясочницей» и создала на свои деньги школу для девочек с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Хотела встретиться с кем-то типа меня, то есть с женщиной, имеющей проблемы со здоровьем. Живущий в Америке приятель назвал мою фамилию.

Они остановились в гостинице «Планета». При встрече, американка сказала, что не будет задавать мне загодя подготовленные вопросы насчет отношения нашего общества к инвалидам, ибо все ответы получила, добираясь ко мне…

— А как же хваленая безбарьерная среда?

— Одним из ответов на Ваш вопрос могут быть сегодняшние цены на лекарства…

Разве их можно купить за инвалидную пенсию?..

Зачастую отсутствие нормальной среды обитания заменяется подачками от государства. И, к сожалению, некоторые инвалиды охотно принимают такие «правила игры», становятся банальными «халявщиками. Ни в одной цивилизованной стране мира это невозможно по определению.

Моя мама считала, что я всегда должна быть на равных в среде здоровых людей, ощущать себя необделенной, не требовать снисхождения в профессиональном плане.

…Думала, что к этому выводу я пришла самостоятельно, но оказалось, что та же мысль есть у выдающегося гения мировой психологии Льва Семеновича Выготского, имя которого заслуженно ставят рядом с именами Зигмунда Фрейда и Курта Левина.

Инвалидность, конечно, изменяет отношения человека с миром, обрезает их. Она создает особые условия жизни, когда, прежде чем жить, приходится выживать. Вместе с тем инвалидность не только минус, но и громадный плюс. Инвалидам не только нужно бороться за нормальную жизнь больше, чем здоровым людям. Инвалидность полностью меняет мировосприятие человека, заставляет его глядеть на мир другими глазами, ценить то, что не ценят другие. Каждый день бросать вызов себе и судьбе. Это не кара БОЖЬЯ, а БОЖИЙ дар.

Когда Елена Самойловна мне рассказала, что очень любила путешествовать и в молодые годы объездила почти весь Советский Союз, я очень сильно удивился. И еще сильнее удивился, когда она рассказала, что делала это всегда с печатной машинкой — писала научные работы. Вот уж воистину «ни дня без строчки»...

Такому можно только позавидовать, но сейчас не об этом. После «путешествий с печатной машинкой» становится понятней ее трепетное отношение к научному знанию.

ПРЕОДОЛЕНИЕ №10

ЕВГЕНИЙ ШЕВКО

20.03.2012
16 ЧАСОВ 45 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Евгений Маратович Шевко родился 11 марта 1980 года. В 2001 году создал и возглавил Мозырскую организацию инвалидов-колясочников. В 2011 году — Республиканскую ассоциацию инвалидов-колясочников.

Креативность. Это модное в последнее время слово я слышу всегда, когда речь заходит о чем-то красивом, остроумном, неординарном. Вдвойне приятно его соотносить с действиями Республиканской ассоциации инвалидов-колясочников. И никаких преувеличений тут нет.

Во время разговора с Евгением Шевко я убедился в этом еще раз.

— Знаю, что Вы относитесь к категории тех, кого называют «регионалами»?

— Совершенно верно, хотя мой родной Мозырь по красоте не уступает многим столичным городам.

Родители уже пенсионеры, но мама Наталья Георгиевна до сих пор работает врачом. Папу зовут Маратом Алексеевичем, раньше он был директором охотхозяйства. Сестра Светлана работает оператором на нефтеперерабатывающем заводе.

Одиннадцать лет я отучился в обычной средней школе номер 12, а потом поступил в Мозырский педагогический университет на факультет общетехнических дисциплин и физики. Если б закончил, преподавал бы «труды» и физику. К сожалению, в самом конце (уже была сессия) первого курса получил травму позвоночника.

Вместе с друзьями поехали на реку купаться. Во время очередного вхождения в воду со мной и произошло несчастье. 14 июня, проточная вода еще не самая теплая. Медленно заходить холодновато — лучше нырять. Что я и сделал.

Не рассчитал, взял слишком крутой угол ныряния. Ударился головой в песчаное дно и сломал себе шею. Если бы не друзья, через несколько секунд утонул бы, потому что уже чувствовал: воздух в легких заканчивается.

Сознание я не терял. Просто от шока не ощущал боли. Не получалось всплыть. Не чувствовал ни рук, ни ног… Только то, что половина головы (лицо) в воде, а половина (макушка) — на воздухе. Перевернуться и вдохнуть воздух не мог.

Один из друзей, видимо, увидел, что происходит «что-то не то». Приподнял меня и спросил: «Что с тобой?» Я попросил вытащить на берег. На машине меня отвезли в реанимацию, а на следующий день из Минска приехал врач и сделал операцию.

Пришлось взять академический отпуск. В основном лечился, проходил курсы реабилитации в Институте

травматологии и ортопедии. Через несколько лет решил, что нужно восстановиться в университет, закончить его.

С приходом болезни полностью изменились жизненные ориентиры. Раньше я абсолютно не занимался тем, чем занимаюсь сейчас, то есть общественной деятельностью.

Во время реабилитации много общался с минскими инвалидами-колясочниками и решил создать некую подобную организацию у себя в Мозыре. Прежде всего для того, чтобы отстаивать общие интересы, решать наши проблемы, собираться.

В 2001 году через мозырские структуры соцобеспечения узнал «контакты» таких же, как я, инвалидов. По телефону поинтересовался желанием создать свою организацию. Всем идея очень понравилась.

По белорусским законам для того, чтобы создать организацию, нужно собрать вместе минимум десять учредителей.

1 сентября 2001 года дети шли в школу, а мы — на учредительное собрание, где меня и избрали председателем. Сразу же для вновь созданной организации арендовали помещение, а в 2003 году осуществили свой первый крупный проект. Его профинансировал Всемирный банк. Мы организовали для инвалидов специальный класс, где бесплатно обучали их работе на компьютерах.

Периодически проводили митинги. Обычно они проходили 5 мая. Это день солидарности с инвалидами Европы. Больше, конечно, все знают День инвалидов, который отмечается 3 декабря. Но в отличие от него 5 мая более «теплая» дата. Последний месяц весны все-таки, а не начало календарной зимы…

Как и положено, писали соответствующее заявление в исполком. Там выделяли «место проведения», коим всегда был стадион (наверное, чтобы никто нас не видел). Изготовлялись плакаты с призывами против дискриминации и «Хотим работать!».

Активных членов нашей организации человек тридцать. Обычно собиралось около половины. Не всегда есть возможность собрать всех вместе в нужный день: кто-то в этот момент болеет, кто-то проходит реабилитацию. К тому же тот стадион, мягко говоря, не есть самое посещаемое место в городе…

— Мозырский вариант минской «площади Бангалор»…

— Точно.

Приглашали туда журналистов, а после мероприятия писали в исполком письмо по результатам нашего митинга, где указывали, что инвалиды города Мозыря просят учесть их интересы, и перечисляли оные.

Проводили свои митинги почти каждый год. За исключением тех, когда ездили в Минск для участия в общем митинге на упомянутой Вами площади.

— А есть ли польза от этого? Местная власть хоть немножко «шевелится»?

— Разве что — очень немножко. Дальше слов и обещаний «решать проблемы» обычно дело не идет. Периодически встречаемся с госчиновниками на каких-то мероприятиях, но о конкретных результатах пока говорить, к сожалению, не приходится. Увы, на одни и те же вещи мы смотрим «разными глазами».

Государственный служащий (установка такая) не может сказать что-то плохое про то, что делает государство, ибо его за это уволят. Мы же всегда говорим то, что есть на самом деле, Например, нам не нравятся коляски, которые делаются с государственным участием и контролем. Не нравится безбарьерная среда в их понимании и так далее.

Сложно общаться, когда тебя не хотят слушать. А после того, как они услышали, нет никаких конкретных шагов для того, чтобы сделать так, как хотят люди. В данном случае — инвалиды.

— Кроме региональной структуры недавно Вы возглавили еще и республиканскую?..

— Устав это позволяет. Республиканская ассоциация инвалидов-колясочников объединяет 15 региональных структур. У каждой довольно высокая степень самостоятельности. Объединились они прежде всего для того, чтобы вместе делать мероприятия республиканского масштаба. По одиночке существовать в нашем непростом мире очень сложно.

Руководитель региональной структуры автоматически входит в Центральный совет. Я периодически ездил на собрания, где решались некие глобальные вопросы нашей организации. Параллельно все время учился на разного рода курсах, принимал участие в обучающих семинарах, тренингах. Словом, учился везде, где только можно учиться. Хорошо, что у нас есть организации, которые проводят разные обучающие программы.

В 2009 году меня избрали заместителем (два), а в 2011 году председателем Центрального совета Республиканской ассоциации инвалидов-колясочников.

1 марта исполнился год моего «председательства».

— Это значит, можно спрашивать о каких-то итогах?

— С нашего сайта можно «скачать» годовой отчет. Там на 21 странице подробно (с фотографиями) описаны все мероприятия этого периода.

Наверное, о некоторых есть смысл рассказать более подробно.

Прежде всего традиционные спартакиады. Их было четыре — Минск, Мозырь, Орша, Витебск. Еще прошлым летом под Мозырем прошел трехдневный турслет. А этим летом планируем в очередной раз спуститься на плотах по Березине.

— Не боитесь?!?

— Нет. Там у каждого колясочника есть свой помощник, который подстрахует, если необходимо.

— Много слышал про вашу «добрую кнопку». Расскажите, пожалуйста, в чем там суть?

— У «Беларусбанка» есть сеть инфокиосков: в нужное место вставляется пластиковая карточка, и делаются разные (квартплата, телефонная связь и т.д. и т.п.) платежи. На одной из кнопок написано «Благотворительность». То есть, человек, который хочет сделать пожертвование, нажимает ее, видит наш лототип, счет и переводит ту сумму, которую хочет пожертвовать.

Подготовительный период (согласования, переговоры) занял почти полгода. Работает «добрая кнопка» пока всего полтора месяца. Приятно, что люди у нас очень отзывчивые. Средства на наш счет поступают постоянно и расходуются только на нужды инвалидов.

Если я не ошибаюсь, по всей Беларуси таких инфокиосков свыше двух тысяч.

— Широко пропиарена также и «проблема парковок»?

— Это наша «больная тема». Существуют парковочные места, предназначенные исключительно для инвалидов. Там установлен специальный знак. По идее в этом месте ставить машину неинвалиду нельзя, но у нас этого никто не соблюдает.

— В том числе и некоторые белорусские дипломаты…

— За границей занять это место считается дурным тоном. Там все всем давно объяснили. К сожалению, у нас дела обстоят с точностью до наоборот. Люди не знают, для чего эти парковки сделаны, и считают их льготой, ненужной самим инвалидам. К тому же (на их взгляд) инвалидов у нас немного, а тех из них, кто водит машины, еще меньше.

Поэтому некоторые становятся на эти места и искренне полагают, что, когда инвалид приедет, успеют уступить место.

Прошлым летом мы заручились в этом плане поддержкой ГАИ и провели соответствующую информационную кампанию. Места для инвалидов-водителей неслучайно выделяются поближе к объектам назначения. Тому же колясочнику добираться 300—400 метров до входа в магазин, мягко говоря, непросто. Про бордюры я вообще молчу.

Этим летом будем действовать немного жестче: публично объявлять о своих рейдах, фотографировать нарушителей, по почте посылать эти фото в ГАИ.

Понятно, что очень быстро проблему не решить, ибо людское сознание формируется годами. Потому и настроены мы на многолетнюю борьбу.

А лучше вообще ни с кем не бороться. Лучше, когда для какой-то борьбы нет поводов вообще.

Евгений Шевко рассказал мне, как они помогают инвалидам-водителям заправляться, ведь некоторым из них (тем же колясочникам) из машины не выйти физически.

Республиканская ассоциация инвалидов-колясочников обратилась с письмом-предложением к «Белоруснефти», и на их заправках появились «наклейки» с номером телефона оператора, которому инвалид может позвонить и попросить о помощи.

Просто? Безусловно. Как и все другое, что может облегчить жизнь людям с инвалидностью. Как говорится, было бы желание…

ПРЕОДОЛЕНИЕ №11

ВЛАДИМИР ПОТАПЕНКО

21.03.2012
10 ЧАСОВ 30 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Владимир Петрович Потапенко родился 27 сентября 1950 года в деревне Павловцы Борисовского района Минской области. Мастер спорта международного класса по легкой атлетике. Был идейным вдохновителем создания Белорусского республиканского общества инвалидов и принимал в этом активное участие. С 1989 года возглавлял столичную структуру этой организации. В 2004 году избран председателем Центрального правления «Белорусского общества инвалидов». В 2007 году переизбран на второй срок. Женат. Имеет троих сыновей.

Во время разговора со мной Владимир Потапенко вспомнил детство, голод конца пятидесятых годов прошлого столетия и то, как бабушка Марфа по весне, когда заканчивались скудные запасы продовольствия, полученного на колхозные трудодни, посылала внука в лес за почками деревьев, чтобы потом, высушив и перемолов их, добавлять в тесто при выпечке домашнего хлеба. Да и хлебом такое «печево» можно было назвать с большой натяжкой: муки в его составе было не более 2—3 горстей. Современникам такой хлеб и представить сложно…

И вообще, если одним словом охарактеризовать жизнь Владимира Потапенко, я бы выбрал — труд. Не чурался Владимир Петрович его и во времена детства, юности, и после того, как в 28 лет «сел в коляску».

— Предлагаю начать со ставшего роковым 13 мая 1978 года?

— Чтобы читателю нашего времени была понятна ситуация, при которой я получил травму позвоночника и стал пожизненно инвалидом-колясочником, начну с того, что это было по пути на очередную “шабашку”.

В то время “шабашкой” называли работу в свободное от основной работы время. Как правило, ей занимались молодые мастера. Это были желающие работать, не считаясь со временем и силами, люди, способные построить объект (зачастую) только по эскизному рисунку заказчика.

Только на “шабашке” было позволительно зарабатывать в Беларуси столько же, сколько получали на Крайнем Севере.

Вот на такую работу вместе с другом детства Вячеславом мы ехали в тот роковой день.

Место назначения — один из колхозов Березинского района.

Должны были начать строительство там нового объекта, проще говоря, телятника.

Попали в страшную аварию. У друга вначале все было нормально, но через полгода его парализовало. После операции он выздоровел и был надежным и безотказным помощником для меня и всех моих друзей-колясочников. Но 2 августа 1992 года при невыясненных обстоятельствах он утонул на подводной охоте.

Я же сразу после аварии попал в положение между жизнью и смертью.

Врачи боролись с самым худшим больше года. Благо, все это время помогали родственники и друзья, а два человека с нового места работы постоянно находились рядом.

Дело в том, что незадолго до трагедии я из пусконаладочной фирмы «Белстроймашавтоматизация»

перешел в Управление дорожно-мостового строительства и благоустройства, где в стадии готовности был завод по переработке твердых бытовых отходов в «Шабанах». Причиной стало то, что на этом заводе давали квартиры. До аварии успел проработать там только три месяца.

А квартиру нашей семье все-таки дали, хотя и служебную, зато новую, четырехкомнатную.

Переселился в Шабаны уже после выписки из больницы — в мае 1979 года, в состоянии инвалида, нуждающегося в постоянном постороннем уходе.

Кроме всего прочего, в 1978 году у меня родился третий сын Владимир, а старшему Владиславу еще не было и пяти лет. Среднего зовут Василий, он 1976 года рождения.

Можно только посочувствовать моей жене Татьяне (женились 02.03.1972 — **прим. автора**): тогда было самое трудное время для нашей семьи.

Жена — в декретном отпуске (получает «копейки»), на полную ставку нигде работать не может.

Устроилась разносить горячие обеды — тоже «копейки».

За первую группу инвалидности платили всего 120 рублей. Плюс повсеместный дефицит…

Слава Богу, добрые люди помогали — друзья, родственники, просто соседи…

Первые годы своей инвалидности, что греха таить, я прожил в состоянии безысходности и полной растерянности, хотя при этом «перевернул» кипу литературы на тему лечения и организации жизненного устоя инвалидов-колясочников, в том числе огромное количество специальных научных изданий.

Наряду с этим не менее 10 часов в сутки с перерывами, но без выходных занимался физическими упражнениями, чтобы восстановить движения в руках и ногах.

Через 4—5 лет объем движений кистей рук почти восстановился, но сила левой руки по-прежнему

оставалась нулевой, а правой рукой мог выжать не более 20 кг.

Если память не изменяет, в 1985 году была XIX партийная конференция, принявшая решение о перестройке. В адрес ее президиума я написал письмо (9 листов убористым почерком), где подробно рассказал о проблемах инвалидов, обосновал необходимость создания новых общественных независимых организаций инвалидов, которые бы развивали их общение, участвовали в выработке политики и новых направлений деятельности государственных органов власти в отношении людей с инвалидностью.

— Неужели в тот момент никаких инвалидных структур в СССР не было?

— Были общества слепых и глухих, которые фактически работали как структурные подразделения Министерства социального обеспечения. Образно говоря, это были производственно-хозяйствующие субъекты с блоком социальной сферы. Кстати, тогда он был немножко больше, чем теперь — санатории, дома культуры, клубы, специальные и спортивные школы и т.д.

Не могу точно сказать, это письмо сыграло свою роль или нет, но, прежде чем продолжить, вернусь на год раньше…

Летом 1984 года по решению единомышленников, таких же инвалидов-колясочников, как и сам, которые тоже хотели объединения в общественную организацию и поручили мне координацию, решение организационных вопросов, я обратился в Совет министров. Там встретили нашу идею, мягко говоря, прохладно. Один из заместителей руководителя правительства так и сказал: «О чем Вы говорите? Вы, вроде, шеей ударились, а не головой… Какое еще общество может быть в нашем благополучном и достойном советском обществе?!! Если лично Вам не хватает талонов на товары и продукты, дадим как

многодетной семье, можем решить вопрос о выдаче вам мотоколяски…»

При этом он высказал сомнения по поводу численности инвалидов-колясочников в Беларуси. Дескать, их очень мало.

Тогда даже никто точно не знал, сколько в республике людей с инвалидностью и тем более колясочников. Посоветовал «набрать хотя бы пятьсот человек». Так мы и сделали.

Разработали анкету, которую очень скоро подписало около двух с половиной тысяч, но чиновников (несмотря на соответствующее обещание) и это не убедило.

От меня в Совмине отмахнулись, как от назойливой мухи…

Зато начались прессинг,«прослушка» телефона и даже угрозы.

Очень интересную тактику моей нейтрализации избрали местные органы власти. Как только я начинал активничать, они сразу же предлагали путевку в Крымский санаторий на 45 дней. Если к этому добавить подготовку и «раскачку» после приезда, получалось, что они меня «вырубали» на два-три месяца. Я это понял, но, к сожалению, отказаться не мог, так как нуждался в лечении грязями и очень надеялся, что появятся движения в ногах.

Длилось это до 1987 года.

В сентябре в БССР пришла инструкция о безбарьерном строительстве Госстроя СССР, на основании которой было предписано разработать национальные строительные нормы.

Меня пригласили в Министерство соцобеспечения и предложили поучаствовать совместно с комитетом Госстроя БССР в разработке этого документа в качестве общественного советника или эксперта. Попутно поинтересовались о судьбе ранее собранных нами списков инвалидов и «дали добро» на создание нашего общества, то есть предложили создать инициативную

группу по подготовке учредительной конференции Белорусского общества инвалидов.

Сразу почувствовалось стремление подчинить движение Министерству социальной защиты. Мы же хотели полной самостоятельности в своих действиях, что не нравилось властям — всячески пытались «взять под контроль».

Иногда это удавалось.

В той же Брестской области фактически все руководство местного общества инвалидов состояло из бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры. Достаточно сказать, что там во главе стоял бывший директор главного в Бресте универмага.

Когда стали избирать (тогда мы имели такое право) депутатов Верховного Совета 12 созыва, они, несмотря на нашу поддержку молодого юриста, выдвинули от Брестской области семидесятилетнего бывшего учителя.

Может, он и достойный человек был, но возраст…

После долгих усилий мы подготовили и 8 июля 1988 года наконец-то провели учредительную конференцию и юридически узаконили наше общественное объединение.

Два года после этого государство помогало финансами, а потом начались хорошо известные девяностые, с их непостоянством, властным бардаком и галопирующей инфляцией.

Сразу (очень короткое время) обществом руководил Владимир Васильевич Чувичко, а потом Николай Игнатьевич Колбаско. Оба были депутатами Верховного Совета 12-го созыва. Обоих, к сожалению, уже с нами нет. К слову, я сразу на эту должность предложил Колбаско, но он отказался, мотивируя это тем, что колясочнику надо предпочесть «ходячего», а Чувичко передвигался на костылях.

Оба они были честными и высоко порядочными руководителями.

Параллельно мы активно занимались развитием инвалидного спорта. Белорусская федерация физкультуры и спорта инвалидов была создана даже раньше нашего общества, и возглавлял ее директор тогдашнего Белорусского научно-исследовательского института трудоспособности инвалидов академик Эдуард Иосифович Зборовский.

Белорусские спортсмены-опорники, в том числе и колясочники (как любил говорить Колбаско, самородки, поднятые с постели и на старт), начали завоевывать медали.

— В том числе и Вы?

— Верно.

Методически, под руководством тренера Юрия Федоровича Буранова я начал тренироваться в 1988 году, а первые международные награды получил в 1991 году, на открытом чемпионате по легкой атлетике в США. Завоевал тогда «серебро» и две «бронзы» (ядро, копье, диск).

А в 1992 году в Барселоне стал первым в истории Беларуси «колясочником», который взошел на пьедестал почета Параолимпиады. Завоевал «серебро» в толкании ядра и «бронзу» в метании копья. В 1994 году выиграл Чемпионат мира по легкой атлетике для инвалидов в Берлине (толкание ядра).

А на Параолимпиаде 1996 года в Атланте был только четвертым, по весьма «любопытным» причинам.

Дело в том, что к тому времени даже инвалидный спорт начал коммерциализироваться. За призовые места стали платить деньги. Я был с этим не согласен, публично высказывал свое мнение, и организаторы всячески стремились «выпихнуть» меня из состава команды, как могли, «гадили».

Буквально перед поездкой в Атланту, не предупредив, безо всякой комиссии, заочно меня перевели в другую категорию соревнующихся, чем очень сильно

«подставили». Мою просьбу опротестовать такое решение организаторов руководство нашей команды под разными предлогами отклонило.

Пришлось соревноваться с «ходячими» инвалидами.

Например, в моей группе был спортсмен из Бразилии. Приходил, садился на специальный стул для толкания и толкал ядро.

Таким образом меня заранее обрекли на проигрыш, ведь это сродни тому, если заставить здорового спортсмена легкого веса соревноваться с тяжеловесами.

Если бы я состязался в прежней категории, то по результатам у меня (как минимум) было бы две золотые медали.

Тогда первое место оплачивалось в долларовом эквиваленте — 10 тысяч долларов.

Позднее я узнал, что нужно делать «откаты»... До этого о них мне никто ничего не говорил: боялись, что обнародую...

Спортивную карьеру завершил в 1998 году в английском Бирмингеме. Мне было уже 48 лет.

Однако вернемся к первым шагам нашего общества. Председателем городской (Минской — прим. автора) организации я был избран в 1989 году и начал работать, что называется, с нуля.

В республике царил политический и экономический хаос, каждый воротил как бог на душу положит. Советский Союз распался.

Стало совершенно очевидно: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Даже тот, кто имел деньги, не мог ничего купить.

Я попросил Колбаску разрешить мне взять под опеку магазин «Ветразь» (принадлежал Центральному совету общества) для того, чтобы «начинить» его товаром и продавать инвалидам без существующих тогда в государственной системе торговли ограничений. Они были придуманы не для народа, а для «торгашей». Типа — «один холодильник в пять лет».

Николай Игнатьевич согласился.

Я «выбил фонды» на телевизоры, холодильники, стиральные, швейные машины и т.д. Словом, на всю электробытовую технику, кроме видеомагнитофонов «Электроника», которые только-только появились.

Начался в полном смысле слова «бум» по вступлению в ряды общества, так как товары в магазине «Ветразь» отпускались только при предъявлении членского билета Бел ОИ. В наши офисы инвалиды занимали очереди с самого утра, чтобы вступить в общество. Тогда в Беларуси инвалидов было свыше 400 тысяч, а членов общества около 200 тысяч.

Некоторые инвалиды купили по десятку и более разных наименований электробытовой техники. Потом они некоторое время жили от перепродажи этих приборов.

Наверное, кому-то подобная «коммерция» покажется весьма спорной, но здесь, повторюсь, речь идет «о спасении утопающих», которых государство практически бросило на произвол судьбы.

Когда пришло время (появились товары, а у людей не стало средств) зарабатывать деньги, в одном только Минске мы открыли около 40 предприятий и кооперативов. Для инвалидов было создано пять тысяч рабочих мест.

Потом купили автобус и организовали шоп-туры в Польшу. На этом бизнесе многие инвалиды значительно улучшили свое материальное положение, а некоторые даже купили «иномарки».

— После взлета обычно приходит падение…

— К сожалению, его избежать не удалось и нам. Если Николай Игнатьевич Колбаско был по натуре созидатель, то потом к власти в обществе пришли разрушители. Похоже, они хотели приватизировать здесь почти все. Солидная часть нашего имущества была продана очень «странно», по бросовым ценам. Общество превратили

в кормушку для узкого круга, с позволения сказать, руководителей.

Настолько, что некоторым даже пришлось угодить в тюрьму…

— То есть Вы пришли почти на пепелище?..

— Это сказано слишком жестко. Скорее — в разгар пожара, пожирающего ОО «Бел ОИ». Видимые языки пламени мне удалось вовремя сбить, а вот смрад, тление, а в отдельных случаях попытка раздуть пламя хаоса, вседозволенности, безответственности имеют место быть и по сей день.

На мой взгляд, такое положение можно исправить только путем безотлагательной реорганизации штатного управленческого аппарата ОО «Бел ОИ».

Теперь общество готовится к 5-му съезду, то есть к новым выборам.

Будем надеяться, что делегаты съезда, максимально независимо от собственных меркантильных интересов, с чувством высокой сознательности и ответственности обсудят имеющиеся проблемы и изберут достойных людей в состав нашего центрального руководящего органа и его председателя.

Ведь иного быть не должно: нужно восстанавливать социальную значимость Белорусского общества инвалидов для тех, ради кого оно создавалось, существенно повышать имидж организации в глазах людей и власти.

Как и у многих других людей с инвалидностью, у Владимира Потапенко оказалось очень мало времени для нашего разговора. Закончили его записывать только с четвертой попытки.

Позднее выяснилось, что причиной была не только неординарная (здесь меня удивили все герои этой книги) занятость, но и колебания по поводу того, достоин ли

он в книге быть вообще. С чем-то подобным мне приходится сталкиваться довольно редко…

Очень надеюсь, что этот материал развеет подобные сомнения раз и навсегда. Автор в правильности своего выбора уверен. Дело — за читателями.

ПРЕОДОЛЕНИЕ №12

НИКИТА ТРОФИМОВИЧ

23.03.2012
14 ЧАСОВ 45 МИНУТ

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ: Никита Трофимович родился 23 августа 1988 года в Минске. В 2011 году закончил факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета. Работает аналитиком в маркетинговом агентстве «Чувство рынка».

Мое знакомство в Никитой Трофимовичем началось с видеоролика в ЮТУБЕ «ПУТЬ САМУРАЯ.avi» и прекрасных стихов Иосифа Бродского:

Не выходи из комнаты. Не совершай ошибку.
Зачем тебе солнце, если ты куришь «Шипку»?
Не выходи из комнаты. Считай, что тебя продуло.
Что может быть интересней стены и стула?
Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером?
Таким же, каким и был. А может быть изувеченным?

— К сожалению, в моей жизни все обстоит именно так. Я редко выхожу из дома. Только тогда, когда абсолютно уверен в продуктивности этого шага. Не всегда могу сходить на какие-нибудь концерты по той причине, что мне (в отличие от здоровых людей) невозможно пойти просто посмотреть. Если нет твердой уверенности в том, что там понравится и будет интересно, я никуда не иду. Не хочу договариваться с людьми, отрывать их от работы, заставлять куда-то везти, чтоб потом через час оттуда уйти. Не хочется попусту тратить свое и чужое время.

Именно поэтому Екатерина Морголь, которая делала видеоролик, и выбрала это стихотворение. Она, как и я, очень любит поэзию Бродского, в отличие от моей мамы Тамары Григорьевны (она считает лучшим поэтом Пушкина, а я, кроме Иосифа Александровича, люблю еще стихи и Маяковского, Пастернака, Есенина).

— Представляю, как вы спорите… Ведь именно Маяковский предлагал «бросить Пушкина с корабля современности»…

— Не спорим, скорее, объясняем друг другу ценность разных подходов к поэзии.

Мама у меня доктор филологических наук. В педагогическом университете на факультете начального образования она преподает «современный русский язык».

— В годы моей юности была популярна песня Макаревича «Ты помнишь, как все начиналось…»…

— Да, вот так все и началось. Знакомство с Пушкиным и некие «сомнения» в его гении дали мне чувство языка, любовь к слову, которые пригодились и в жизни, и в работе.

Папу зовут Валентином Анатольевичем, он работает шофером-международником. По-простому — дальнобойщик, и очень хороший. В 2008 году он получил диплом от Международной ассоциации автоперевозчиков (расположенной в Швейцарии) за 30

лет безаварийной работы. Можно считать это ученой степенью для водителей… Так что мой папа доктор водительских наук…

В советское время «пробиться» в дальнобойщики было очень трудно: каждые пять лет переаттестация. Не то, что сейчас. Мой отец приучил меня любить работу, ответственно относиться ко всему, что ты делаешь.

У меня есть еще два брата. Несмотря на разные жизненные пути, нас связывает очень сильное чувство плеча, мы очень сплоченны.

На две минуты раньше меня родился средний брат Федор. Мы не близнецы, а двойняшки. Он учился в педагогическом университете по специальности «русский язык и литература, итальянский язык». Сейчас там же продолжает учиться в магистратуре — будущий языковед.

Брат Степан на шесть лет нас старше. Раньше эта разница очень чувствовалась, а сейчас перестала, так как мы все ближе подходим к одной возрастной планке…

Степан недавно начал собственный бизнес, занимается арендой техники для земляных и строительных работ. В свое время он заканчивал «политех».

Как видите, Степан технарь, а мы с братом гуманитарии. Но это вовсе не мешает тесно общаться. Органично дополняем друг друга.

Я очень горжусь своей семьей.

— Я так понял, Ваша болезнь с рождения?

— Совершенно верно.

При рождении у меня и брата было обширное кровоизлияние в мозг. Вследствие травмы центральной нервной системы (ЦНС) у меня и возник видимый сегодня паралич. Официально это называется «синдром Литтла», то есть спастическая диплегия второй степени тяжести. Поэтому и плохо хожу.

Мой брат полностью оправился, хотя поначалу медики говорили, что он при рождении был гораздо хуже, чем я.

За него они опасались больше.

Богу виднее, кому что дать… Может, так надо было… Может, я забрал болезнь, чтобы кто-то был здоровым… Это даже неплохо…

Никакого детского сада у меня, естественно, не было. Сразу пошел в школу — надомное обучение. Окончил ее с золотой медалью. В школе был только два раза: 1 сентября, когда все начиналось, и когда получал аттестат.

Много было споров по поводу качества учебы, но мне кажется, что учиться «лицом к лицу» даже сложнее. Там нет возможности отвлечься, что-то не учить и понадеяться на «вызовут — не вызовут». Ученик один, его надо спрашивать всегда.

Как потом стало известно, некоторые проверяющие сомневались в уровне знаний, подозревали, что отличные оценки мне ставят из жалости. Учителя показывали им мои тетради, чтобы было видно наглядно — заслужил.

Учиться хотелось всегда. Как-то случайно услышал, как один врач сказал родителям: «У человека есть неповрежденные мозги. Это хорошо. Оперировать есть смысл. Он должен двигаться дальше».

Позднее мама рассказала, что с такими травмами, как у меня, мозг остается неповрежденным всего у 10%, и я понял, что если тебе такой дар дан, то надо его развивать, то есть — учиться.

После школы пошел в БГУ на факультет философии и социальных наук. Выбрал специальность «информация и коммуникация». Почему?

Некоторые инвалиды, с которыми приходилось сталкиваться, выбирали заочные отделения или ошибочно считали, что на филологических специальностях учиться легче и проще. Мягко говоря, это не так. Везде надо прикладывать усилия, если ты хочешь научиться, заниматься делом, а не валять дурака.

Мне всегда было сложно найти себя в чем-то конкретно. Не было четкого направления. Всегда была

интересна философия, читал энциклопедии по религиям мира, увлекался историей, литературой, мифологией и т.д. и т.п.

Хотелось этот винегрет увидеть в одном месте. Моя нынешняя профессия означает «социологию в прикладном русле» — рекламу, маркетинг, пиар, создание интернет-сайтов, разработку нужного имиджа. То есть, ты берешь целевую аудиторию и налаживаешь коммуникацию с ней. Выбираешь те слова и канал, которые позволят тебе быть услышанным, а не сгинуть в море информации. Другими словами, это «коммуникация с человеком в современном мире». Социология в данном случае носит чисто прикладной, практический характер. Необходимо определить, как понравиться людям, какой товар они выберут, каким брендам отдадут предпочтение.

Выбор гуманитарного направления был для меня предопределен давным-давно, когда выяснилось, что «не дружу с математикой». Раньше я считал точные науки «сухими», лишенными полета мысли. Ошибался, ибо в настоящей высшей математике, как и в квантовой физике, есть много поэзии и творчества, неведомых глубин.

Кроме того, повлиял на мой выбор и высокий уровень преподавания истории, особенно учитель этого предмета, который посоветовал мне развивать аналитические способности.

Что касается широко разрекламированной безбарьерной среды, то, на мой взгляд, главное здесь — в отношении людей. Как говорил один популярный литературный герой, «разруха не в клозетах, а головах».

Наше постсоветское общество не принимает инвалидов такими, какими они есть, не видит в них равноправных партнеров, вместо глубокого понимания проблемы пытается проявить жалость. Помню, как терялись мои университетские преподаватели, не

зная, как со мной надо работать, как некоторые из них предлагали сдавать зачеты по телефону.

Мне это не совсем нравилось. Как не понравился и школьный режим «одновременного отсутствия и присутствия». Старался ездить в университет на все лабораторные работы, семинарские занятия, важные лекции.

Многие считают, что все решает только внешняя безбарьерная среда. Дескать, меньше лестниц — больше пандусов. Отчасти это так, но решение проблемы не только в этом. Я думаю, гораздо важнее здесь другое.

В тех же больницах, где с 6 до 18 лет дважды в год по 35—40 дней я проходил реабилитацию, часто приходилось слышать такие слова: «Вам будет сложно. Мир жесток».

То есть инвалидов заранее морально готовят только к трудностям. По моему глубокому убеждению, подход должен быть кардинально другим: нужно делать так, чтобы этих трудностей было поменьше. Готовить людей не к тому, что будет невыносимо трудно, но к тому, что они способны преодолеть трудности, должны бороться, двигаться вперед, а не сходить с ума от тревоги и ожидания бед.

Для меня самой большой сложностью было не замкнуться в своем сообществе, где все говорят про свои болячки, где главенствует принцип «здоровый больного не поймет». И очень неприятно было чувствовать по отношению к себе людскую жалость. Несколько раз даже подавали милостыню...

Барьеры в основном находятся в человеческом сознании, в запретах и ограничениях, которыми пользуется в отношении инвалидов общество. Им не дается шанса на развитие, на попытку доказать равноправие. В то же время и инвалиды, ведомые мыслями о собственной слабости и немощи, не пытаются стать сильнее, значимее. Убежден: так быть не должно. Альберт Эйнштейн говорил, что «открытие

совершает «невежда», который не знает, что его невозможно совершить». Более того, великий физик называл движущими силами науки именно интуицию и воображение, свободу от ограничений.

Для меня был также еще один барьер, и связан он с работой. Многие люди (как здоровые, так и инвалиды) говорили, что работа нужна только для оформления трудовой пенсии, что для этого достаточно устроиться на один день и оформить необходимые документы. Дескать, не нужно никуда лезть, а сидеть безвылазно дома и жить за чей-то счет: родители помогут, а социальное государство должно нас защищать.

Я же придерживаюсь диаметрально противоположной точки зрения. Глупо было тратить на учебу столько времени и сил, чтобы сейчас примитивно бездельничать…

— А почему в видеоролике есть и «путь самурая», и «маленький принц»?

— С «маленьким принцем» меня часто сравнивают друзья. Увы, некоторые люди относятся ко мне не так доброжелательно, как я. Бывает, даже кое-кто удивляется, почему на явные «гадости» я не отвечаю соответствующим образом. Если я назвал кого-то другом, то стараюсь сделать для него все, что в моих силах. При этом почти неважно, как относится ко мне он. В отношении к людям я полагаюсь на внутреннее чувство, интуицию, если хотите. Я просто делаю то, что считаю правильным.

Конечно, иногда с людьми приходится расходиться (по их инициативе), но это не повод для неких разочарований, меланхолии или смены ценностей. Это тот самый случай, когда неисполнение закона не означает того, что он больше не действует.

Люди могут не соблюдать Христовы заповеди. Означает ли это, что они неправильные? Нет — не означает.

Точно также и с «маленьким принцем». У него была (по сюжету книги) неуживчивая, очень капризная роза. Почти всегда она поносила его плохими словами за то, что тот якобы за ней плохо ухаживает. Но даже после этого к цветку он не относился плохо.

Точно также и со мной.

Могу абсолютно без повода подарить своему другу какой-нибудь подарок. Некоторых это «напрягает», вызывает чувство долга и ответственности. Мне приходится объяснять, что никаких аналогичных шагов я не жду.

Очень просто любить того, кто любит тебя. Гораздо труднее оставаться верным, когда отношения переживают трудности. Как писал Томас Эдиссон, «наш большой недостаток в том, что мы слишком быстро опускаем руки. Наиболее верный путь к успеху — все время пробовать еще один раз».

Другая причина, объясняющая, почему друзья называют меня «маленьким принцем», в том, что я очень эмоциональный человек. Мне нравится дарить другим радость и радоваться ей вместе с ними. Чтобы жить в радости, надо ее дарить. Как завещал святой Серафим Саровский, «спаси себя и вокруг тебя многие спасутся».

С «путь самурая» еще проще. Многие меня предупреждают о жестокости этого мира, об опасности открывать свое сердце каждому. Я же придерживаюсь старой самурайской мудрости: промокший не боится дождя. Стремлюсь принимать все, что есть в этой жизни, спокойно. Даже боль. Надо принимать как должное и то, что нравится, и то, что приносит огорчения. Быть верным другим. Как говорил Лев Толстой, «делай, что должно, и будь, что будет».

Суть самурайского мировоззрения в этом же.

Иногда (исключительно для себя) Никита сочиняет стихи. Именно сочиняет, ибо считает, что для него «пишет стихи» звучит слишком помпезно. Временами

увлекается и прозой, из которой предпочитает фантастику. Принципиально полагает, что, если из нее убрать «антураж» типа «межзвездных космических кораблей», останутся «голые» людские отношения.

Согласитесь, очень любопытный подход — за фантазиями видеть реальность. Особенно, если учесть, что он является главной частью романтично-вдумчивой натуры Никиты Трофимовича.

Содержание

Информационно-публицистическое издание

Томкович Александр Леонидович

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Компьютерная верстка Марина Петрович
Корректура Ирина Матусевич
Обложка и дизайн Артур Вакаров

Подписано в печать с оригинал-макета заказчика 31.03.2012 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Офсетная печать.
Гарнитура Calibri. Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 8,2
Тираж 1000 экз.